

Тертышный Н.Н.

Далеко на Востоке

Вступление

Приморье – тихоокеанский рубеж России. Благодатный край, замечательная природа, соединившая чудесным образом здесь все стороны света. Здесь складывалась значительная многовековая история народов, населявших и осваивающих здешние богатые земли.

В повести Н. Тертышного показан небольшой эпизод этой истории. Небольшая окружённая горами долина реки на самом юге Приморья. В среднем течении её при слиянии с притоком когда-то стоял город, названный, конечно же, именем правителя или основателя. В повести это Шуа-хан. И город-крепость, славившийся кузнецами, и река названы этим именем. Названия других мест, как Фурдан-чэн (большая двойная крепость), Бай-чэн (белая крепость), как впрочем, и другие географические названия вполне реальны, и читателю, интересующемуся историей, будет нетрудно отыскать их в литературе. Авторская фантазия лишь иногда обыгрывает эти названия и предлагает читателю самому понимать, что Шуачэн это, конечно же, река Сучан, и что так же назывался до семидесятых годов прошлого столетия и шахтёрский городок в долине. А ныне это Партизанск. Фурдан-чэн – это нынешний Уссурийск, Дурга-чанда это, конечно же, нынешний горный массив Чандалаз, сказочно возвышающийся над сучанской долиной справа. Большая и Малая Грудь-горы – конечно же, нынешние Брат и Сестра, красивые пирамидальные вершины поднимающиеся особицей в самом устье реки. На картах они иногда обозначены как горы Клыкова.

Интересно складываются в повести и имена героев. Не от имени ли Темучин происходит в повести Тимоха? В истории пленения в юности будущего «великого хана» есть такие большие пробелы, что действительно возможности для фантазии оставлены ещё и нам. Тем более, что у нашего героя упоминается и дед – Простак, что напрямую «роднит» его с Чингизханом. Тот же приём игры в имена использует автор с Вогуз-ханом и его внуком юношей Могулом. Из прямого упоминания о христианстве несторианского толка можно угадать некоторую связь между Могулом и Ванханом, предводителем племени кераитов, первоначальных союзников Темучина. Такой факт некоторого успеха продвижения христианства среди племён Средней Азии действительно имеет место быть в истории. А побывать в плену юношам и встретится в каменоломне помогают пробелы в их биографиях и авторское воображение. Словом, повествование, рассчитанное на юношество, можно назвать «занимательной историей», где упоминания о делах фантастических соседствуют с реальными событиями и действие, происходящее тысячу лет назад, вполне может напомнить

о себе и сегодня, например, сокровищем кумирни, захороненным случайно тогда в незавершённом кургане. Впрочем, сокровище ещё нужно найти...

Идея и краткое содержание повести

Создание и развитие туристических комплексов на юге Приморья заставляют вникать всё более и более в историю наших мест, в задачу рационального освоения их, и привлечения к ним внимания общественности. Отсюда появился интерес к зарождению Золотоордынской империи – первые предпосылки, условия, причины. По времени это конец двенадцатого столетия. Территории Приморья тогда входили в состав Золотой империи чжурчженей. Говорить о какой-то исключительной централизации средневековых государств нет основания. Можно предположить лишь особо централизованный военный, политический механизм власти, основанный на идеологии силы, жестокости, угроз и набегов, но в самом начале в нём всё-таки присутствует желание блага пусть даже малому клану людей, ограниченному на тот период времени сословным несовершенством. И если эта сила по тем или иным причинам, особенно экономическим, переходила из так называемого центра в другое место, то и власть естественно уходила, образуя тут же другой центр. Это разорительное состояние народов, несомненно, в экономическом плане, приостанавливало их развитие, но, тем не менее, способствовало становлению особого типа государства, принципы которого положены были затем в монгольской империи и в укреплении российского самодержавия, и надо признать, во многом сохранены до сих пор. Сегодня мы склонны полагать, что то были «пустые» времена, а пространства безлюдные, дикие и совершенно мало освоенные. Это заблуждение. То были времена великих переселений, величественных движений и открытий, то были времена Великих Империй...

Небольшая, сравнительно тёплая и благодатная, и к тому же закрытая горами долина р. Партизанской (ранее р. Сучан, в повести использовано несколько иное звучание – Шуа-чэн), была активно заселена в те времена и являлась одной из областей империи. Количество крепостей и монастырей, располагавшихся в долине, насчитывает несколько десятков. Сама природа здесь никогда не располагала к кочевому образу жизни. Ещё государственность Бохая сложилась здесь задолго до объединения Европы Карлом Великим, и, не смотря на гибель, наверняка была унаследована чжурчженями. Живописные места, горы, озёра, поросшие лотосом (воды в долине было значительно больше того, что мы видим сегодня, а река совсем до недавнего времени ещё была полна рыбой), удобный выход к морю, источники, освящённые монахами, издревле привлекали сюда паломников со всей Империи Дзинь. Эти земли вероятнее всего в причину своего особого географического положения оставались окраинными, более независимыми от засилья и политики центров. Здесь могли проявляться некие другие формы племенного управления, самоуправления, оставившие след в истории, как царства вольные и сказочные, благодатные и счастливые. (Не отсюда ли берёт своё начало легенда о Шамбале, о чудной прекрасной стране, где живёт вольный счастливый народ?) Обычно затерявшиеся, отдалённые, окраинные земли у всех народов претендуют на звание сказочной страны счастья, довольства и равенства...

В повести затронут небольшой отрезок времени (два-три года). Герои и события повести вымышлены, и аналогии с реальной историей случайны, но, тем не менее, должны подвигать читателя к экскурсу в историю того века.

Русич Никита-кузнец девятнадцати-двадцати лет и юноша монгол по прозвищу Тимоха шестнадцати-семнадцати лет волей судьбы оказываются в неволе в Городе Кузнецов в долине благодатной реки, впадающей в океан. Никита оставлен в семье одного из лучших кузнецов крепости, а юноша монгол попадает в отряд охранения невольников в каменоломне, где зимой проявляет мужество, отбиваясь ночью от нападения кочевников. Правитель города и области наместник императора Шуа-хан озабочен общей политической обстановкой наметившегося упадка имперской власти в провинции, духовными и религиозными исканиями в народе, строительством кургана усыпальницы для своей покойной жены и судьбой единственной дочери Гюльджели. Извне городу грозит разрастающаяся орда кочевников под предводительством Кидань-хана. В среде знати усиливается оппозиция во главе с племянником наместника Юном. Используя предательство военных из окружения Шуа-хана, кочевники овладевают городом. Наместник вынужден тайно бежать, пользуясь поддержкой ремесленников и верных ему воинов. Будучи раненым в плечо при побеге, хан с небольшим отрядом намерен завалить вход в усыпальницу, но случайно оказывается вблизи взрыва и получает серьёзную травму спины. Воины переправляют его в малую крепость на правом берегу реки, куда ещё ранее перебрался на лодке Тимоха с дочерью хана. Умирая Шуа-хан доверяет Гюльджели юноше монголу, намеревающемуся увести верных ему воинов к себе на родину в долину Онон-реки. В это время в Город Кузнецов приходит болезнь. Первыми город покидают кочевники, за ними уходят и жители. Никита остаётся в семье чжурчженя-кузнеца, помогая убежать от беды в горный таёжный район. На фоне этих событий в повести показаны дружба и вражда героев, любовь, бытовые сцены во дворце хана, в кузне, в каменоломне, в городе, на реке близ монастыря, в долине и т.д.

Все “незнакомые” слова, используемые в повести, просто подзабыты сегодня, но в словарях они есть. Знакомый и пытливый читатель узнает два-три места в повести и обязательно поймёт меня и простит за то, что не утерпел, приукрасил и «похвалил своё болото». А как же иначе, родина ведь...

Повесть вернее всего рассчитана на юношество, но, по мнению автора, будет небезынтересна и более старшему читателю.

Вместо предисловия

...О расформировании Эн-ского авиаотряда, в котором Андрей Серёгин служил уже десятый год, поговаривали давно, но как только рухнул Союз, совсем стало понятно, что службе и вовсе приходит конец. Майорские погоны на плечах Сергеева, ранняя синева висков, да не обременённая излишними материальными устремлениями душа – это всё, что доставалось ему, считай, за добрую половину жизни, отданную так или иначе лётному делу, как бы это высокопарно ни звучало. Не считая, конечно, ещё семьи. Но красивую, спокойную жену и почти взрослого сына. Сергеев серьёзно считал подарком судьбы, а не приобретением или наградой за своё лётное время. И вот об этом

подарке в первую очередь нужно было как-то побеспокоиться...
- Поеду к маме, пока ты как-то определишься, – как-то уж излишне спокойно и скоро определилась жена. Она быстро ориентировалась в ситуации, лишь дольше обычного грустно посматривая в глаза Серёгину.
- В Саратов, так в Саратов..., – не очень-то обрадовался переезду сын.

Всяческие пертурбации накануне выпускных экзаменов в школе ему явно были не нужны, но и он принимал случившееся с должным достоинством. Это как-то обнадеживало. Казалось, нервничал только сам Сергеев. С неделю, не находя себе места, он ходил хмурый и злой на весь белый свет, и, в конце концов, осмелился позвонить приятелю в штаб округа, знакомому ещё по училищу и сделавшему карьеру, дослужившись наверху до какого-то там заместителя.

- Не психуй..., – успокоил его приятель. – Что-нибудь придумаем.

После его «придумки» Серёгин получил назначение в Приморье на один из малых аэродромов в отряд воздушного охранения береговых объектов. Это была почти граница, и значит, служба не обещала спокойствия. Но это было, несомненно, лучше, чем увольнение из армии вообще... Жена с сыном, наскоро собрав немудрёный багаж, вскоре укатили к старикам на Волгу, а он сам, распрощавшись со своей старенькой «Нивой», прохолостяковав ещё пару месяцев в расформированном отряде, наконец, расстался с Эн-ском тоже, рассчитывая на четвёртые сутки добраться поездом во Владивосток.

...В попутчики Андрею случились два молодых человека, по всему приятели, что в купе и не сидели, а пропадали всё где-то должно в ресторане либо в гостях у кого в другом вагоне, поскольку объявлялись уже потемну поздно и изрядно подшофе. Третьим был высокий старик с красивой белой бородой и с таким же красивым отчеством Ермилович. На удивление и вопрос Серёгина – откуда, мол, такое имечко, старик охотно долго рассказывал о своих староверских корнях, о больших дружных семьях, что осели когда-то не от хорошей доли по Амуру. Михаил слушал и дивился по-доброму одной из историй необъятной России-матушки...

Строгой религиозности в своей семье Серёгин не видел и за родителями, как-то уж просто отошедшими от церкви в двадцатые годы, но кое-какие праздники и обряды из прошлого понаслышке знал. Жена, всё время работавшая учительницей в школе, знала верно побольше из того как много доброго можно было найти в религиозном воспитании. Непрительность, скромность, воздержанность, послушание – разве это плохо когда дети знают что это такое. Мало того, Андрей с возрастом замечал всё чаще и острее в себе какое-то явно национальное чувство принадлежности к русскому, как говорится, этносу. Ничего не объясняя себе, просто любил правильно исполненные русские песни, звучные славянские имена. Так по детски вдруг обрадовался отчеству нового знакомого – Ермилович! И не потому, что редкое имечко, а просто какая-то милость и явная доброта были запрятаны в это славное сочетание обычных, казалось бы, букв.

Ночью совсем не спалось. Позванивала ложка в стакане на столике, снизу глухо стучали колёса, вагон мерно качало и легко подёргивало на стыках рельсов. С вечера Серёгин, как все порядочные люди раскошелился и заглянул в

вагон-ресторан. Когда ещё выпадет случай такой свободы от дел да всяческих обязательств. Заказал себе сто грамм водочки «Столичной», слегка закусил котлетой дорожной непривычной, да и утомился на том, решив, что достаточно и вольготно погулял. Вернулся в купе, прилёг. Накатила тоска под сердце и потянула больно зудящей нитью череду памяти сорока пяти прожитых, так или иначе, годков...

К утру скрутило желудок. То ли водочка «несвежая» оказалась, то ли котлета, а может быть, просто его желудок последние месяцы страдал от излишней нервозности и постных дней. Так или иначе, промаявшись ещё сутки в купе, майор Серёгин по совету проводника вагона сошёл с поезда в Уссурийске и через пару часов после обращения в медпункт на вокзале, оказался в окружном военном госпитале.

- Н-да...! – неопределённо хмыкал себе под нос военврач, перечитывая данные анализов. – Как это вас угораздило в дороге...?

- Да вот как-то так..., – словно извиняясь, пожимал плечами Андрей.

- А давно замечаете непорядок с пищеварением? Комиссию последнюю когда проходил...?

- Не помню, кажется прошлой осенью. Там в санитарной книжке отмечено...

- А семья где? – вопрос врача прозвучал несколько серьёзно.

- Мои дела так плохи? – спокойно вместо ответа спросил Серёгин.

- Это обычный опрос пациента – как-то излишне безразлично пожал плечами доктор.

- Я думал вызвать жену с сыном сразу же по приезду на место службы, но теперь...

- Так вы ещё не знаете куда направлялись? Н-да! – оживился доктор, внимательно между тем заглядывая в глаза Серёгину. – Ну-с, майор, с месячишко придётся погостить у нас. О месте вашего пребывания в часть мы сообщим. Пока примите вот эти пилюли и отдыхайте...

- «Однако, что-то серьёзное...», – думал о своём положении Серёгин. – «Странно, кажется, вчера ещё был здоров и совсем не рассчитывал свалиться вот так на ходу...».

В госпитальной палате его встретили армейским юморком:

- Ну, вояки, кажись к нам подкрепление с воздуха...

Андрей и не успел сообразить, каким образом в палате уже знают о его лётной службе, как в углу у окна, обращаясь к соседу, но с явным расчётом подцепить новенького, громко заговорил, чуть приподнявшись на локте, верзила с хмурым худым лицом и с блестящей плешью во всю голову:

- Слышь, пехота, как говорится, в бане чинов не разберёшь, это всем давно известно, но я вот знавал одного вояку, так вот он безошибочно мог по любому заду определить и звание и должность...

- Опять заливаешь, – отзывается неохотно сосед с чистыми синими глазами на круглом полном лице.

- Серьёзно тебе говорю! У него этакий талант к этому всегда был и соответственно прозвище...

Серёгин не сдержал смешок, что, конечно же, не прошло незамеченным для обитателей палаты.

- Вот и подкрепление тоже не верит..., – затягивает в разговор Серёгина лысый.
- Нет, почему же, я верю, и тоже встречался с такими знатоками по части лизать чиновничьи зады..., – охотно отозвался Андрей.
- Ах, вот вы о чём! – сообразил круглолицый, а верзила переключился тут же на Андрея.
- Ну, дружище, с тобой неинтересно. Всё-то ты знаешь наперёд. Но, вот для примера, скажи тогда, в каких частях служит пехота? А я потом запросто отгадаю, откуда ты...
- Ну, не знаю..., – улыбнулся Серёгин, догадываясь о каком-то подвохе. – Наверно в пехоте, раз вы его так кличите...
- Да-а, логика у тебя железная, но тут ты не в масть! Пеший – у него фамилия, а про службу он молчит как танк, на котором отгрохотал должно быть уже лет двадцать, но говорит – секрет, военная тайна, как у мальчиша-кибальчиша. Так что пролетел ты тут, майор..., - верзила явно бравировал тем, что откуда-то знал о звании Серёгина.
- Как я понял, тайны у вас тут долго не хранятся, - Андрей улыбался, разводя руками. – Только каким образом...? Тут же, как в бане, почти голым остаёшься...
- С моё повалеешься тут, научишься кое чему..., – почти серьёзно завершил знакомство лысый.

Месячишко, однако, затянулся до лета. Доктор настоял, и Серёгин согласился на операцию. Жена прилетела в Уссурийск после первой же телеграммы и жила первое время в гостинице, а потом сняла квартиру, устроившись временно в детский сад на работу. Сын остался у тётки, и у Андрея болела душа за то, как он там окончит школу и сдаст выпускные экзамены.

- Ты за него не беспокойся, – успокаивала жена. – Он у нас взрослый самостоятельный парень. О себе лучше подумай. Давай выкарабкивайся, не расслабляйся...

Жена вроде шутила, но в глазах Андрей видел участие и нешуточную грусть.

«О самолётах, вероятно, придётся забыть. А чем заниматься? Я же ничего другого не умею делать...». Вспомнил о своей школьной любви к истории. Попросил жену поискать чего-нибудь в городской библиотеке. Она с примерным усердием исполнила просьбу и через пару дней принесла солидную стопку книг: всего Гумилёва, Чивилихина в роман-газетах, знаменитую трилогию Василия Яна, несколько томов Карамзина.

- А почему так мало Николай Михайлыча...? – не утерпел и слегка съязвил Серёгин.

- Да я решила... так, для затравки пока тебе ассорти предложить, а там как пойдёт. Думаю, до выписки из госпиталя хватит...

На удивление книг не хватило! Через неделю Андрей попросил несколько книг «Истории России» Соловьёва, затем проникся «Родовым бытом германцев» Тимофея Грановского, и к тому времени, когда доктор с удовлетворением объявил Серёгину о дне выписки, он самозабвенно увлёкся и сам задумкой написать небольшую повесть.

В лётную часть по месту службы Серёгины добрались в самом конце лета. Сын писал, что поступил на филфак, чем несколько удивил: почему-то всегда думалось, что парень пойдёт в военное училище, но, поди ж ты, пошёл своей тропкой. Ну, дай-то Бог. Может быть Андрею самому стоило бы когда-то серьёзнее думать при выборе пути...? Но, теперь чего жалеть: первую половину отслужил уж, надо как-то вторую дотягивать. Комиссией от полётов отстранили, пока, говорят, оклемайся на земле, а там будет видно. А на земле все места насижены, не подступишься. Всяк свое при себе держит, не шибко делится. Жене проще: сразу же пошла в школу, как и на прежнем месте. Худо-бедно свою неважнецкую зарплату получит, на хлеб-соль хватит. Назначили и Серёгина на должность какого-то там запасного инструктора по безопасности, кое-какое жалование за то положили. «Живы будем – не помрём...» – как-то безразлично думалось Андрею. И лишь большая общая тетрадь, в которой он начал свою повесть, теперь занимала всё его свободное время. Писалось не легко, но это занятие как-то скоро и без особого труда стало любимым. «Первым читателем будет сын. Пусть знает, какие здесь чудесные места...» – думалось с самого начала как в повести проявились главные картины и события.

Первые дни сентября над землёй всё ещё казались летом, хотя август заканчивался ветрено дождём, многоводием. Но вскоре всё окрест подсохло и почти не утратило зелёного буйства по склонам. Ночами, правда, температура падала до десяти градусов, заставляя зябко поёживаться под лёгкой простынёй. Днём же градусник показывал за двадцать, но тепло это уже было мягким, словно касательным и не жгучим. Дальние вершины как-то чуть поблёкли, было видно, что кучерявые сопки вот-вот поменяют зелень свою на другие неведомые краски. Оттого пред мигом сим чувствовалось этакое ожидание, небольшая остановка, вроде бы малое затишье...

К лекарствам, прописанным доктором, Серёгин добавил кое-какие снадобья лекаря из местных корейцев, к которому посоветовали обратиться сослуживцы. А когда болезнь припрёт, пойдёшь на поклон к любому китайцу-малайцу. И надо признать болезнь, кажется, отступила, но сделала Серёгина чуть угрюмее. Жена с пониманием отнеслась к такой перемене в его характере, предоставив ему чаще уединяться. И он использовал это, к зиме освоив пешком окрестности гарнизона и прилегающей к нему большой деревни.

...В январе после снегопада выбрался сквозь серые заросли к реке. На ровном льду протоки свежо и чисто. Чуть слепит солнце, отразившись от снежной глади этой небольшой котлубани. Среди черёмух тишина и глубокий снег, но у берегов, против ожидания, сугробов почти нет. Чуть слышен говорок на удивление незамёрзшего переката, да в серых ветвях лёгкий посвист поползня. «Надо бы наведаться в город, побывать у моря. К весне поправлюсь, буду подумывать об автомобиле...» – сожалел Андрей о проданном поспешно четырёхколёсном “коньке”, но думалось обо всём под эти незамысловатые звуки тепло и приятно...

...В город выбрался лишь к весне после нежданной оттепели, когда температура днём вдруг поднялась до плюс десяти градусов, и солнце вылизало грязный снег по скверам, наделав грязи и порадовав соскучившееся по теплу воробьиное племя в ветвях вяза. Заночевал по совету сослуживца у его

знакомых. Ночью в колодцах-улицах гулял изувер ветер. Но ветреная ночь унесла за собой эту весеннюю грезу и вернула всё на свои места. На улицы – мороз, в низкое небо стылое дыхание февраля, а в душу – щемящую тоску по лету...

На следующий день побывал у моря. Над его свинцовым простором ветер усиливал действие жгучего морозца, превращая барашки у самого берега в белую наледь поверх камней. В ушах стоял какой-то свист от воды, летящей с макушек волн обжигающими брызгами в лицо. Картина, в общем, была мрачной, но величественность её подчёркивалась совершенно чистым небом и ясной раскрытой далью противоположного берега залива, раскинувшегося пред взором, словно на ладони...

После поездки в город работа над повестью подвинулась скорее, тетрадка от частого пользования изрядно распухла, и к приходу тепла закончилась. Он добавил к ней ещё несколько листов и, перечитав ещё множество раз, удовлетворённо сложил всё в полиэтиленовый пакет. Оставалось показать повесть знающим людям, и опубликовать. Сыну, конечно же, Серёгин отправит уже готовую красивую книжку...

Ч. 1 Конец пути

«...Они, взявшие всё, и утолившие свои обиды, взалкают мирового господства...»
 (“Золотая Империя”
Каринберг В. К.)

...Каменную крепость на малом перевале покинули ещё затемно. За день надлежало выйти на большой водораздел и спуститься южным склоном к большому укрепленному городу и успеть устроиться на ночлег. Небольшой обоз, ступивший на торную таёжную дорогу, состоял из десятка навьюченных малорослых, но крепких и выносливых лошадей и из отряда скуластых воинов, один из которых восседал на чагровом жеребчике и был одет кроме кожаных доспехов ещё и в длиннополый халат, тканый узором по подолу, свисающему на конские влажные тёмно-пепельные бока. На голове его красовалась островерхая круглая шапка, отороченная соболем, с мягкой меховой кистью на острие, у пояса о ножны короткого меча позвякивала серебряная пайцца сотника. Уставшие воины шли рядом с лошадьми, привычно опираясь на древка небольших копий. В середине шествия тащились двое изнурённых пленников, соединённые в пару деревянным ярмом и привязанные к громоздкой повозке на деревянных колёсах, в оглобли которой был впряжён крупный грязной масти лошак. К полудню обоз, миновав маленькую кумиренку из замшелых камней, где перед деревянным божком птицы клевали в глиняных чашках ячневые остатки, вышел на большой перевал, и тут же был задержан небольшой группой вооружённых всадников, едущих почти бесшумно навстречу. По повадке держаться независимо и высокомерно эти люди с обветренными лицами, облачённые в лёгкие кавалерийские доспехи, уверенно сидящие в сёдлах, были

из специального отряда надзора на дорогах. Старший из них, оценив взглядом серебряный знак сотника, обменявшись с ним несколькими словами, мельком строго глянул поверх голов и, махнув своим воинам, разрешил продолжать путь. Эта остановка была небольшим отдыхом. Потом обоз долго шёл вдоль лесистой гривы, скрываясь в тени деревьев. Затем ненадолго задержался на небольшой явно вытопанной людьми и лошадьми площадке в седловине горного кряжа. Отсюда дорога уходила вдоль каменистого ключа вниз в долину, пролегая мягкой извилистой полосой к редколесью, состоящему из высоких ветвистых вязовин и редких дуплистых тополёвых громадин.

Днём стояла почти невыносимая жара. Горячий ветер не приносил облегчения, хотя, кажется, и старательно носился порывами над вершинами деревьев, выворачивая на тыльную сторону тяжёлую пышную листву раскидистых ясеней, что встали вдоль речки по галечнику вековыми стражами неведомых безлюдных территорий таёжной глухомани. Но к вечеру небо затянуло пеленой, ветер как-то разом стих, и настороженная тишина окутала открывшееся с перевала пространство и тут же, перемешанная с духом тайги и разнотравья, расплзлась медленно по всей долине нескрываемой ленью, проглянувшей тут же даже в угомонившемся как-то сразу трепете листвы. Сверху издали виднелась, поблёскивая на мелях, бесшумная река, словно вкрадчиво просачивающаяся среди серо-зелёных берегов. Ниже река разливалась множеством ериков и стариц, занимая всё пространство изумрудной низменности, раскинувшейся меж двух отрогов. Тусклое, словно восковое небо повисло низко, и так же лениво и неспешно плавилось над долиной. Уставшие обозники, несмотря на близкое окончание пути, теперь на ровной широкой дороге, повторяющей изгибы реки, совсем замедлили шаг и еле тащились, изнывая от духоты...

К вечеру уже на подходе к городу на перекрёстке северной и западной дорог обоз слился с пёстрым шумным караваном, громыхающим большими деревянными колёсами повозок и оглашающим окрест рокотом и говором доброй сотни людей. Повозка с пленниками на привязи подкатила к селению в самые сумерки последней. Стража с копьями у высоких частокольных ворот в город никого не впустила, разрешив въехать только троим из военных, среди которых был и тот, что ехал на пепельном жеребчике. Расположившись к ночлегу поодаль у крепостного вала, угрюмый и уставший воин-чжурчжень жестом показал пленным на сноп сухого рыжего камыша под повозкой, развязал ярмо, оставив лишь соединявшую их в пару грубую грязную бечеву на шеях, затем, зло ухмыльнувшись, бросил коротко и непонятно: – «...эндэ!», и ушёл не спеша к городским воротам, где горел большой костёр, было шумно и откуда с дымом приносило запах варёной конины.

Вид у пленников был незавидный. Первый был постарше – рослый кареглазый славянин с крепкими мускулистыми руками, но, несмотря на изрядную русую бородку, выглядел мальчишкой. Виной тому, верно, была худющая длинная шея и босые израненные ступни. Снизу на нём были холщовые грубые изорванные до колен штаны, а сверху – такого же покроя мешком ряднина без рукавов, сквозь которую проглядывала в рубцах спина. Второму было лет шестнадцать, хотя, приглядевшись к его высокой фигуре,

можно было понять, что ему, несмотря на возраст, выпало немало испытаний. Невесть какие шаровары, совершенно утратившие свою форму, лохмотьями грязной тряпицы болтались вокруг его ног, а на плечах висел лоскут неопределённого цвета, бывший, когда-то вероятно, частью того, что именуют халатом. Чумазные руки были покрыты цыплячьей коростой, но аккуратное монгольское лицо было светлым, непроницаемо взрослым и почти неподвижным, как у восточного каменного божка, и только слегка раскосые, с зеленцой глаза из-под грубой рыжеватой чёлки живо играли в свете дальнего костра изумительно чистой живой искрой.

Мальчишка монгол, однажды отбившийся от своих обедневших родичей, попал к пастухам родового нойона, которому приходился по отцу племянником. Лето пробыл в степи, и так бы и остался при лошадях, если бы по осени не попался на глаза баскакам, объезжавшим по распоряжению тайши подчинявшиеся ему улусы. Рослого, сообразительного малого прихватили за долги для пополнения гвардии. Нойон по бедности не смог отстоять мальчика, но пообещал при первом же случае выкупить его у тайши. Первоначально малый попал в услужение к одному из темников, но вскоре, и от военного влиятельного человека, его так же в надежде на выкуп забрал чиновник из Нингуты. Но так как за зиму выкупа за недоросля никто не собрал, то чиновник приказал переправить его вместе с пленным славянином кузнецом Никитой далеко на восток. Через большую Белую крепость Бай-чэн, столицу империи, на Да-дань-шань, что означало Большие Восточные горы, пролегал многодневный колёсный путь к Великому океану. По этому пути в столицу везли с востока пушнину, рыбу, "корень жизни" женьшень, железные доспехи для воинов императора, золото и серебро. А на восток по этой же дороге привозили крепкую водку-ханшин и рабов для работы в железных копях Даньшаня и в кузнях города мастеров крепости Шуа-чэн...

- Развязал, злыдень, и то добро..., – потирая замлевшие руки, оглядывался вокруг славянин. – Вечерять должно не придётся. Поздно уж, сами пока не набьют брюхо, о нас не вспомнят. Так что падаем, Тимоха, спать натошак. Вишь, сторож как напужал – «эндэ». Что бы это значило...?

- Бежать нет куда..., польза нет, – устраиваясь под повозкой, хмуро поясняет монгол. – Поймают так-так...

По произношению можно было сделать вывод о сообразительности и смекалке его, но так же было понятно, что он равно одинаково плохо понимает и славянина, и чжурчженя.

- Дён сорок уж волочимся на привязи. На край света должно привели. Куда уж тута побежишь..., – продолжает ворчать русский. Как-то так получилось само собой, что юношу он стал называть Тимофеем.

Сели у повозки, прижавшись друг к другу спинами. Вокруг насунулись густо замешанные влагой и духотой сумерки. Чуть поодаль у земляного вала темнел кучерявою кроной белый клён. Лёгко и бесшумно с него сорвало пару листьев; один, кружась медленно, опустился рядом на вытопанную землю у повозки. Никита взял лист в руки, зачем-то понюхал:

- Ну, вот, Тимоха, и Петров день ноне, должно быть...

- Моя понимай нету..., – безразлично отозвался недоросль.

- А тут и понимать нечего: лето на другую половину повернуло. Пришёл Петрок – сорвал листок. Это говорится так. И ещё говорят – придёт Илья, сорвёт два. Это уж когда явно на осень дело пойдёт...

За долгие дни нелегкого пути пленники чуть сдружились и, кажется, смирились с доставшейся неволей, перенося её с достоинством и молча. Разница в возрасте совсем не разъединяла их, наоборот, словно дополняя друг друга, они чувствовали что-то важное и удивительное в своей случайной встрече.

- Ты, Тимоха, отощал совсем..., плечом своим, что поленом тычешь мне в спину. А на мне, сам вишь, тоже мяса не жирно. Худо, брат...

- Моя твоя нету брат, – зырякая гордым глазом, ворчит в ответ младший. – Твоя брат урус-угра. Мой кров другой...

Потом ещё изрядно ругается на своём языке.

- Какой там другой..., – смеётся русский. – Такая же и у тебя кровь, как у всех – красная, и так же как всем больно, когда льётся...

- Красный всем одна – правильна, голова всем разный, – стоит на своём юноша.

- Ловок ты, Тимоха, изворачиваться. Но про голову верно приметил. Она одна, что поднимает человека среди других, либо унижает. Мы вот нынче с тобой ниже некуда.... Моя пустая голова ноги за собой потащила от матки, от тяти, от родичей, да в полон завела. Да и у тебя, видно, не шибко знатная макушка.... Теперя в одной упряжи с моей. Охо-хо..., – сокрушается «брат гра». – Живот эвона как подвело...

- Еда плохой – брюхо худой. Тридцать три луна еда плохой. Ага Бугуч шибка болей многа, умирай скоро. Хотон-семья сила теряй. Матка лес ходи, все дети лес ходи. Моя старший, тожа лес живи. Худа живи.... Моя сам семья бросай, другой родня ходи..., – сокрушённо оправдываясь, поддерживает разговор Тимоха.

- А я вот у князя-воеводы в кузне на молоте стоял. Старшому вовремя не поклонился, посекали малость, попортили потылицу. Видел кака спина у меня репаная...? А я, дурень, обиделся напрочь. Мы хоть и из холопьев, но из задушных, на свободу по доброте душевной барин когдась тятку отпустил. По обиде я и сбёг, куды глаза глянули. Поговаривает народ, что есть-де така чудо-земля, Шамбала прозывается, а ещё Беловодьем кличут, Белозером – кто как. И будто живёт там люд честной в довольстве да в добре. Не обижают друг дружку, не болеют. Да! По-сту лет живут. Так-то, брат. Но, я так понимаю, врут всё люди...

- Есть такой чудо-земля! Эх, Никитка, твоя прошёл – не заметил..., – просто и как-то грустно проговорил монгол.

- Где ж это? – приподнимаясь на локоть, серьёзно удивился русский.

- Онон-вода ходил? – спросил озорно Тимоха.

- Река така чтой-ли? – разочаровываясь, позёвывает русский. – Бывал.... Места добрые. Где повыше – холмы, красиво, а ниже – луга, привольно.... Лошадей много. Но народец нищий. Должно земля плохо родит. Какое уж чудо...? На меня там шепсуги оравой налетели, повязали. С тех пор вот на верёвке и тащусь...

- Шепсуг – «хора улус», плохой люди. Онон-вода – хорошо! Кругом чудо! Родной земля..., «цагон ёсу» – знатный люди.... Моя мало-мало расти, родня выкуп собирай, моя своя улус возвращайся..., – восторженно продолжает монгол.

- Ах, вон оно что..., – догадывается и смеётся русский. – Родину вспомнил. Оно конечно, родимая сторонка каждому близка и дороже нету. А всё ж не Шам-ба-ла...

Из сумерек появляется чжурчжень из охраны. Ставит к повозке приспособленное под факел копье с металлическим блюдцем-жирником, в котором над рваной прядью пенькового фитиля трепещет рыжий дымный огонёк. Рядом ставит большую деревянную, сработанную под дёжку, посуду, в которой мерцает молочного вида варево, вкусно пахнущее пережжённым просом. Небрежно кивает пленникам, едва не опрокинув нехитрую снедь под ноги, слышит последние слова славянина и переспрашивает заинтересованно:

- Чанда-ла...? Русский ловко удерживает от падения дёжку и, порывшись за пазухой в рванине своего зипуна, вытаскивает ладную деревянную ложку.

- Люди говорят Шамбала, а я только повторяю...

- Чанда, Дурга-чанда хох-хох...!, – скороговоркой повторяет воин и тычет неопределённо в темень рукою. Грудь его, прикрытая изрядно потёртой кожей-панцирем, грозно поблёскивает.

- Во, паря! И тутошний народ знает про чудо-землю. Знать и тут не всем сладко, коль мечтать умеют, а потому и мы не пропадём, коль свои есть..., – резонно завершает мысль русский.

Чжурчжень черпает из дёжки большой глиняной миской и, присев тут же подле колеса на корточки, с шумом тянет губами, причмокивая, тёплую похлёбку. Монгол тем временем извлекает из своих рваных шаровар небольшую глиняную пиалу с белёсыми потёками, а славянин чуть приметно крестится, слегка повернув лицо в сторону. Прилаживаются с двух сторон к еде и молча жадно едят, попеременно черпая и часто постукивая в гулкие бока деревянной посуды. Воин, высокомерно глянув в их сторону, смачно сплёвывает с губ попавшуюся просяную шелуху и, плеснув наотмашь капли оставшейся еды из миски под ноги, уходит к крепостным воротам, подхватив ловко в левую руку копье-факел. Пленники заканчивают ужин уже в темноте. Чуть погода, оставив пустую дёжку, намереваются спать.

- Ну и мы, грешные, давай укладываться..., – вздыхает облегчённо русский. – Душно-то как ноне. Должно к дождю. Небушко, вишь, совсем непроглядное. Темень... и тихо. На душе тягость. Эх, неведома земля душу страхом полонит. Ну, да мы его молитвою..., как тятка научал. Полегшает...

Русый, сидя, крестится и вполголоса молится: «Господи Боже наш, еже согреших во дни сем словом, делом и помышлением, яко благ и человеколюбец, прости ми, Никиту, раба твоего, да иноверца Тимоху; мирен сон и безмятежен даруй ми; Ангела Твоего Хранителя послы покрывающа и соблюдающа мя от всякого зла. Яко Ты еси Хранитель душам и телесам нашим, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь...».

Монгол искоса усмехается, молчит, но в отсветах разгоревшегося костра у

крепостной стены виден его острый любопытный взгляд. Вскоре он дремлет, и сквозь приходящий сон припоминает детство. Думается, что у каждого оно обязательно светлое, даже тогда когда беспризорное, бездомное и обездоленное. Так уж нужно природе..., и всё это лишь потому, что в детстве не знаешь многого. Не знаешь приличной сытости, потому и жизнь впроголодь кажется сносной, нужду ещё не называешь нуждой, потому что другого ещё в жизни не видел и потому не ведаешь. Просто живёшь, как живут рядом с тобой отец, мать, братья, сёстры, сородичи и рад тому, что живёшь. Понимание того, что живут по-разному приходит в отрочестве. Может быть, после первых обид на отцовский подзатыльник, не по заслугам доставшийся за проказы младших, или от первых безответных чувств влюблённости в девчонку из соседнего стойбища, куда однажды ездил, трясясь на лошади за потной широкой спиной отца. А может быть, и не из-за обид, а из чувств сострадания к долго и тяжело умирающему деду, нелепо сорвавшемуся однажды с необъезженного дикого жеребца...

Будучи совсем ещё маленьким в один из зимних вечеров, когда за стеной юрты голодным зверем подвывает тоскливо ветер и бьётся в стену колючая метель, от деда он слышал легенду. Давно это было. Так давно, что никто в степи уж и не помнит – правда это или нет, но, говорят, жили тогда люди большими куренями, тысячи повозок устраивались стойбищем. Жили не богато, но и не бедствовали. Земли вокруг много, кочевали с зимних пастбищ на летние по старым обычаям, как старики завещали вовремя и по справедливости, родового нойона уважали и почитали, в соседний аймак за невестами ездили, на которых калым худо-бедно всегда находился. Так вот, в одном большом богатом отоке у зайсанги было много сыновей, а у тех сыновей ещё дети рождались, и всё одни мальчишки. И однажды пришло время, когда всех невест в округе посватали, и самому младшему поблизости не нашлось жены. А далеко за невестой идти – калыму столько не соберёшь. Решили собрать в складчину нэшвер, как за бедного жениха родственники собирают, и сосватать из далёкого аймака оставшуюся незамужней некрасивую последнюю дочку тамошнего шуленги. Но не все родственники согласны были. Одни по бедности своей не смогли участвовать в сборе калыма, другие из скупости отказали. И пошла среди людей распря. Большие курени распались. Молодёжь перестала уважать стариков, нойоны бесчинствовали по улусам, обижая бедных, окружив себя многочисленной льстивой гвардией из слуг и охранников. А тайши, подкупленные и обманутые нойонами, везли богатые подарки хану и лгали ему о вольной и благодатной жизни в степи.

Обиделся тогда юноша на судьбу, осерчал на родичей и ушёл, покинув стойбище, куда глаза глядят. Знал от стариков, что далеко-далеко в четыре луны ходу на восход солнца, там, где, собираясь из множества ручьёв и речушек, катится большой водою мать-река, медленно и величаво рождается Земля. Словно выходя из нескончаемого пространства Великого Синего Моря, она неведомым зверем выбрасывает из воды свои гигантские лапы-сопки и кладёт на них свою громадную голову-гору, покрытую густой непроходимой тайгой, как дивной косматой шкурой. Отправился юноша к тому началу земли с надеждой научиться правильно и счастливо жить, а заодно найти себе жену.

Долог и труден был его путь. Много рек переплыл, в топких болотах тонул, до самых небес в высоких горах поднимался и не раз находил привольные долины с зелёными лугами и чистой водой в прохладных ключах. Но не встречал нигде счастливых людей. Всё потерял юноша в пути – верный конь потонул в одной из бурных рек, одежда обветшала и истлела на плечах от дождей, солнца и пота, тугой лук сломался однажды, спасая его от падения в глубокую пропасть. Только силы и мужества приумножила дорога юноше, превратив его в славного статного богатыря.

И только у синего Великого Моря нашёл батыр племя счастливых людей мохэ. Всего было много у того племени: в море и в реках множество рыбы, благоухающий лес полон дичи, на лугах нескончаемые табуны красивых сильных лошадей, а озёра в долинах славной летнею порой покрыты дивным и священным цветом-лотосом. С недоверием и опаской встретили юношу в племени. Долго не принимали и испытывали его люди мохэ. Но полюбила богатыря дочь вождя и приблизила к себе, и покорила чарами своей любви, да так, что позабыл всё юноша под ласками и взглядами красавицы: и дорогу домой, и усобицу родичей, и вражду вождей, и главное о том, что, отправляясь в путь, он помышлял постичь закон справедливой жизни. Нашёл ли богатырь тот закон-джасак, легенда, рассказанная дедом, умалчивала. Но многие юноши с тех пор уходят в далёкий край на помощь богатырю с надеждой найти райскую землю и освободить батыра от чар красавицы жены, вернуть ему память о родине. Но ещё никто так и не возвращался. Глубокие и бурные реки, высокие снежные горы крепко хранят тайну того богатыря и того племени, и вместе с ними и тайну закона-ясы счастливой правильной жизни...

Рассказывая легенду, дед непременно поучал: «Рай – это всё то, что с детства любишь больше всего, это твоя родина, твоя степь, твой улус, и покидать их можно лишь для того, чтобы научиться чему-нибудь, а потом обязательно нужно вернуться и полюбить родину ещё сильнее...». За незлобивый и открытый нрав, за умение из дружбы со всеми извлекать пользу для всех родичи шутя называли деда «простаком»...

- Слышь, Никитка, а твой улус шибко далеко ходить? – сквозь дрему почему-то вдруг спрашивает Тимоха.

- Ух, чего спросил-то, паря..., – так же сквозь сон нехотя отвечает Никита и чуть помедлив, добавил: – За Байкал-море долог путь. А уж там поначалу на реку Иртыш, потом вниз до Тобол-реки, потом опять же по Тавде вверх на реку по прозванью Сосьва, а уж там и за Урал-камень недалече до нашенской речки Язвы. Долгонько, вишь, до мамки с тятькой, эх-ма.... Спи уж, чего там...

Поворочавшись на пыльной камышовой подстилке, пленники вскоре уснули. К утру духота отступила за частокол в город, в деревянные дома и постройки, под черепичные четырёхскатные крыши пагод и жилищ; от реки потянуло сыростью, и с небес, словно из частого решета, в сумерках заморосил дождь...

Ч. 2 Наместник

...С самого утра, несмотря на слякоть, как-то непривычно зашевелился

на улицах народ. У ворот дворца, подстёгиваемая резкими командами сотника, занимала позицию снаряжённая особым торжественным образом охрана и гвардия наместника. В крепости прошёл слух о приезде племянника правителя Юна, по случаю чего в городе намечался праздник. Потому так много нынче народу у южных ворот крепости и у стен внутреннего двухэтажного дворца, состоящих снизу на треть человеческого роста из ровной каменной кладки. Остальная часть стен вверху из глины, как впрочем, и многие городские постройки. В основном же жилища без затей из дерева, а простоту общих форм всех построек украшает обилие деревянных фигур драконов, черепах и прочих невиданных диковинных зверушек и чудищ, разместившихся вдоль карнизов, при входных дверях, по краям и гребням крыш. Скаты крыш, подобно чешуе, покрыты блестящей цветной черепицей или деревянными сине-зелёными пластинками...

Сам правитель крепости дня три как вернулся из дальней поездки в Фурдан-чэн. На севере обеспокоены набегами пока немногочисленной, но сплочённой и враждебной орды под предводительством кочевника по прозвищу Кидань-хан, собравшего под своё начало сброд номадов и воровских шаек с лесистых гор Гирия. Дважды орду отгоняли от Большой Крепости, но по последним донесениям из дозорных отрядов с дорог можно было предполагать, что орда с наступлением сухих дней осени обойдёт Фурдан-чэн восточнее малохоженными тропами в отрогах Дань-шаня и попытается выйти в долину Реки Великих Сражений, минуя сторожевые посты и малые охранные крепости. Реку так называют в память подвигов воинов мохэ в сражениях с кочевниками. Оттуда к городу правителя Шуа лишь один большой перевал с малой каменной крепостью в три сотни воинов. Потому-то всем наместникам на востоке от императора пришли приказы объединить усилия и не дать Кидань-хану выйти к югу в долину Реки Богатых Урожаев, где, завладев несколькими крепостями, кочевники выйдут на берег Великого моря и всерьёз могут продержаться пару лет, пополняя и людские, и продовольственные запасы на этих благодатных землях. Собравшиеся в Большой Крепости наместники и начальники областей в сопровождении именитых и прославленных темников месяц вели переговоры о важности сплочения перед нависшей угрозой, но, ни о чём не договорившись, в конце концов, разъехались в надежде на благосклонность удачи и почитаемых духов Великих Восточных Гор.

Омрачённый пустой поездкой наместник Шуа успел вернуться в город к началу большого дождя и теперь, действительно ожидал к себе племянника Юна, правящего небольшой крепостью на юге по левобережью реки у двух Святых Гор. В своё время наместник выделил племянника из своего окружения за его скардность и умение стяжать состояние и поручил охрану монастыря, притягивающего с давних пор многочисленных паломников своей священной кумирней у подножия скалистой и величественной Большой Грудь-горы. Племянник быстро окреп, собрал вокруг себя сильный и преданный отряд гвардии и теперь начальствовал по всему югу долины, включая берега моря с вольными поселениями рыбаков и охотников. Наместник знал, что и у него самого в окружении были люди, тайно способствующие усилению племянника, но до сих пор ему пока удавалось держать родственника в нужном подчинении,

хотя притязания Юна на власть в области в последнее время ощутимо возросли. Старик Шуа чувствовал веяние новых ветров, нового времени. Это время не сулило добра...

Всю жизнь правитель посвятил укреплению и процветанию вверенной ему окраинной области империи. Сколько сил и труда было вложено в этот Город Восточных Кузнецов, в эту укрепленную и духом и воинами крепость, которую теперь люди называют его именем Шуа-чэн. Но со стороны земель, что протянулись отсюда к столице на заход солнца, всё чаще и чаще приходит весть о распаде империи. И всё чаще неразумные грабительские указы получает наместник из канцелярии императора. Прошлым летом до самых морозов трижды из крепости отправляли большими обозами рыбу, золото и пушнину, обеспечивая при этом многочисленную вооружённую охрану. Взамен империя не вернула и сотни мало-мальски пригодных к труду работников или рабов. Золото не имеет здесь такой цены, как в столице, здесь люди более ценят железо и ещё, пожалуй, жизнь. Это там, в многолюдье городов, можно горделиво блистать роскошью и богатством одежд и жилища. Здесь же ценнее скромность, умеренность и почитание духов неба и гор. Поэтому куда правильнее ожидать сюда прихода караванов с людьми, чтобы в этой чудной долине можно было бы растить рис и ловить рыбу, добывать в лесах зверя и рожать в мирных селениях детей...

У наместника была лишь дочь Гюльджели, имя которой дал случившийся при рождении девочки в монастыре монах из уйгурских мудрецов, объяснивший, что означает оно - "шёлковая ветвь акации". Так случилось, что юность и добрую часть последующей своей жизни Шуа потратил на учёбу в столице, затем на государственную работу, на продвижение среди чиновничества, в чём, конечно же, преуспел однажды, будучи послан императором в эту, ставшую теперь уже родной, область. Но вот родить наследника не сумел. Наверно просто опоздал. Дочь родилась к его пятидесятилетию. Жена, хотя и была моложе его, с рождением ребёнка стала болеть, и, в конце концов, привязавшаяся хворь за два года одолела эту красивую женщину из близкого к самому императору ханского рода. Ничто не помогло жене. Ни настойки чудодейственного лесного «корня жизни» жинзенга, ни снадобье из печени полосатой Амбы, «повелительницы» всех обитателей тайги, и даже тёплое купание в «слёзах» Грудь-горы, привезённых монахами из большой святой кумирни Дань-шаня не помогло страдальце. Лекари тогда в один голос винили злого духа реки, который, якобы, приходит иногда в долину с большим половодьем в жаркие дни лета, делая воду мутной и безжалостной. От этого духа в реке гибнет много рыбы, а по берегам болеют люди и звери...

После смерти жены наместник долго был неутешен, и в печали, уединяясь, стал отдаляться от мирских дел, посвящая всё больше времени делам монастыря, часто оставляя крепость на чиновных людей. Но однажды, в разговоре с одним умудрённым даосом, вдруг ясно осознал, как шатко и непрочно устроено вообще всё земное существование. Монах занимался исполнением некоторых важных обязанностей при кумирне: организовывал процессию сожжения покойников, слыл среди населения мастером отгонять злых духов и уничтожать дьявольские наваждения. С этой целью у него всегда

были заготовлены талисманы в виде бумажек с печатями и особенным образом написанными знаками. Даос был балагуром и замечательным собеседником, при случае не брезговал и ремеслом колдуна-прорицателя. Жалуясь монаху на своё горе, наместник услышал, что тот знает лекарство от горя и неутешности и, что в монастыре для приготовления снадобья есть всё, кроме... одной вишнёвой косточки из того дома, в котором... никогда никто не умирал. Шуа-хан тут же представил себе тщетные поиски такой косточки, улыбнулся невозмутимому при этом монаху и, странное дело, вскоре после этого почувствовал, что тоска отступает, и к нему возвращается желание ещё пожить на этом не таком уж и плохом свете. Дух его отца из знатного рода воцзюй, женившегося когда-то по любви в одном из походов к Восточному морю на красавице чжурчженке из этих мест, всегда напоминал ему о долге продолжить имя Шуа и помнить о благородстве своём и предназначении. Памятуя об этом, наместник озаботился сооружением усыпальницы для покойной жены, урождённой, как и мать его в племени чжурчже. Природный небольшой курган на месте её захоронения по левобережью у большой дороги к монастырю он велел значительно увеличить. Малоприметный прозрачный ключ с кисловатой на вкус водою у подножия кургана почитался у местных жителей как место святое и чудодейственное. Место было определено монахами на основании примет и сопутствующего расположения звёзд. Отсюда к востоку вверх вставали вершинами в небо горы, а на северо-запад простиралась долина реки с удивительно красивою сетью рисовых полей и видом величественного синего по горизонту священного горного хребта Чанда. Составленный план расположения усыпальницы был нанесён на тонко обработанный лоскут телячьей шкуры и завернут свитком в тонкий почти прозрачный лист золота. Эту ценность надлежало при завершении строительства кургана торжественно оставить в замурованном склепе. Разрешение на возведение кургана наместник получил от императора, два года улаживая у себя в Шуа-чэне правительственного чиновника из консистории даогуань, надзирающего за монастырями востока...

Только спустя четыре года после смерти жены удалось начать строительство. К возведению кургана было привлечено всё окрестное население долины. В каменоломне, образованной в близлежащей горе, работало под надзором почти тысяча невольников, а на переноске битого камня использовали подённый труд земледельцев туженей, обязав их каждого отработать одну полную луну в год на строительстве. Вереница носильщиков корзин с тяжёлой ношей теперь в любую погоду живой цепью двигалась из-под западного склона Дань-шаня к медленно растущему кургану усыпальницы. Интерес к строительству был и у монахов из ближнего монастыря. Старик Шуа всегда понимал, что править народом можно, либо жестоко насилуя его, либо разделяя веру в его богов, пускай даже это будут маленькие фигурки идолов, странные до уродливости, в окаменелых, безжизненных позах, с несоразмерными членами, с отсутствием всякого выражения на лицах, или же кривляющиеся и гримасничающие до безобразия. Часть монахов явно противились затеянному строительству, усматривая и в новшествах обряда захоронения жены правителя, и в чужеземном имени его дочери явный знак распада веры, а не укрепления её, тогда как другая часть, наоборот, надеялась на возвышение и объединение духа

разных народов, за последние времена поселившихся в долине. Наместник придерживался мнения второй части верующих и полагался на их поддержку.

Глубоко в основании кургана было оставлено пространство для гробницы, в склепе которой поместили прах усопшей, далее строго на полдень соорудили небольшой сводчатый коридор, вход в который после погребения был наглухо замурован. Перед этим входом располагалось оставленное в камнях пространство, где тонко-тонко струился целебный ключ, вдоль которого к окончанию строительства должна быть устроена кумирня. На восемь лет затянулась отсыпка кургана. Но, побывав последний раз на строительстве рано весной, когда в проталинах у берегов после зимнего безмолвия весёлым рокотом подаёт свой голос река, наместник на вопрос – «...если внести некоторые изменения и сделать курган чуть меньше задуманного, когда закончите?» – услышал от главного распорядителя стройки уверенный ответ:

- Ещё один оборот солнца, и точно ко времени, когда день с ночью приходят к согласию, и на небе вступают в рассвет семь красавиц дев, обещающих земле новую жизнь и плодородие, на вершину кургана монахи внесут большую каменную вазу, наполненную свитками с текстами священных молитв, знаком того, что в память о чистой любви святилище под курганом исполнено сокровищами веры и надежд на грядущую встречу...

Такой ответ вполне удовлетворил наместника, поскольку затянувшееся строительство лежало бременем на городской казне. Сердечная рана в груди Шуа-хана за эти годы стала грубым, лишь изредка напоминающим о себе, рубцом, и он был согласен как можно скорее завершить строительство.

Вот уже двенадцать лет старый правитель живёт без близкого человека, если не считать Гюльджели да прислуживающей ей доброй наложницы уйгурки, привезённой когда-то наместником из поездки в далёкую столицу. Дочь он не отпустил от себя, хотя мог бы давно отправить её в Белую крепость или в Гиринь-улу, где у него есть родственники на службе, близкой к императору. Наверно, он просто боялся остаться один. Здесь во дворце у дочери есть воспитатели, доставленные лет шесть назад из столицы. Они научили её многому из приёмов светского обхождения разным женским хитростям, но старик Шуа не так часто собирает во дворце знать, чтобы являть все эти навыки напоказ. Ему ближе люди мастеровые, понимающие великую радость труда, монахи, умудрённые опытом духовных исканий, да темники, закалённые воинскими упражнениями и обязанностями. Это у племянника Юна, по слухам, часто собираются покутить с окрестных территорий забогатевшие праздные бездельники. Племянник по старым обычаям ещё в детстве был обручён с именитой богатой невестой, по возрасту старше его, от которой до сих пор почему-то нет потомства. Но в окружении Юна всегда много рабынь, наложниц и... детей.

Вчера с одним из последних нищенских караванов из Бай-чэна привели пленников. Сегодня с утра их связанных доставили от ворот крепости к дворцу, и наместник решил сам посмотреть на пришедший обоз. Четыре носильщика, несмотря на зарядившую морось, вынесли его паланкин во двор дворца, поставив под охраной десятка копейщиков, как по команде преклонивших одно колено перед ношей. Зазевавшегося и вовремя не поклонившегося Никиту

чжурчжень из охраны толкнул тупым концом копья в спину и дважды резко и больно ударил кулаком снизу в живот. Никита низко согнулся, но на ногах устоял и молча, скорчив от боли гримасу, исподлобья смотрел на церемонию встречи хозяина дворца. Мальчишка-монгол, по-видимому, зная подобные обычаи, был резвее и смыслёнее, потому как опустился на колени вовремя и вместе со всеми. Из приоткрытого небольшого окна в одной из верхних комнат дворца, раздался лёгкий девичий смех. Все невольно, включая и пленников, оглянулись на него. В окне на миг мелькнуло лицо Гюльджели, смутившись, девушка тут же поспешила спрятаться...

Сквозь приоткрытый полог наместник, теребя длинным ногтем большого пальца седую бородку, полулежа, следил за распоряжениями своих чиновных людей, и с хитрецей во взгляде наблюдал за сценой поклонов. Русский крепкий молодец из пленных чем-то понравился старику.

- Кто это? – глянув в сторону Никиты, спросил он заинтересованно услужливого тут же преклонившегося к пологу чиновника.

Тот торопливо засеменял к сотнику, возглавлявшему обоз, недолго поговорил с ним и быстро вернулся, придерживая длинные рукава шёлкового фиолетового халата.

- Кузнец из случайных людей, Никитка-урус. Куплен в Нингуте нашим имперским распорядителем, в счёт прежних его обещаний отправлен к нам, – чётко скороговоркой поспешил ответить чиновник, продолжая кланяться, при этом смешно подёргивая чёрной косой, туго заплетённой на затылке.

- Оставь его здесь в кузне. Я сам посмотрю, что он умеет делать, – наместник перевёл взгляд на другого пленника. – А этот...?

- Далда из людей мэngu. Ловок и смекалист, говорят, состоит в родстве с «наездниками дьявола». Из знатного обедневшего рода. Наш добрый попечитель из столицы, помня наши нужды, посылает его под присмотр. Пусть будет нужен где-нибудь в гвардии Вашей Светлости...?

- Молод ещё..., – засомневался старик Шуа. – Впрочем, поступай, как сам знаешь...

«И это весь доход...!» – нахмурился наместник и, мелькнув седой косичкой, отвернулся, прикрываясь, скользнувшей белым серебром, тканью полога. Носильщики, подхватив паланкин, понесли его обратно во дворец...

Ч. 3 Племянник

...Шумная кавалькада гостей въехала в крепость к полудню. Слуги несли несколько открытых лёгких носилок с женщинами, которые прикрывая лица шёлком цветных накидок, жеманно стреляли глазами вокруг, оценивая настроение и обстановку ожидаемого праздника. В окружении конных, богато одетых воинов, прошли невольники, несущие пару тяжёлых крытых паланкинов, скрывающих внутри явно знатных вельмож. Следом проследовала большая группа конников посромнее, но более подвижная и исполненная напускной вальяжности. Шумно заполнили двор у дворца. Дождь внезапно

перестал моросить, вместо него словно в честь всей процессии над городом неожиданно прошёлся с шумом шквал ветра. Стража и охрана гостей расположилась у дворцовой стены, племянника же наместник принял на втором этаже, остальных угощали внизу.

После первых приветствий и поклонов, усаживаясь грузно к маленькому столику на ковер, Юн, будто бы разглядывая сбоку на стене большой парадный портрет наместника, заговорил намеренно торжественно:

- Пришло время поговорить о наших делах, дорогой дядюшка...

- Ты это о чём? – насторожился Шуа-хан, ещё не понимая племянника.

- Ваши надежды на связь со столицей не оправдываются. Сегодня надо признать, она не так сильна, как это думалось ещё пару лет назад. Смута охватила земли Великой степи, там шумят и объединяются кочевники. И нам самим стоит подумать о судьбе наших земель..., – Юн многозначительно сложил в замок пухлые руки на животе.

- Глупый недоросль, ты самонадеянно носишь в пустой голове крамольные мысли, которые решил безнаказанно высказать мне...? – наместник негодуяще чуть повысил голос.

Слуга-кидань, прислуживающий за едой, налил в фарфоровые пиалы тёплый хмель и бесшумно вышел, при этом на каменном лице его не мелькнуло и тени интереса к разговору.

- Ваше влияние в провинции ограничено, дядя. Это нужно признавать. Сейчас наступают другие времена, нам стоит прийти к единодушию и объединить наши с вами усилия, – Юн, бесцеремонно причмокивая, маленькими глотками принялся пить рисовый напиток.

- Я тебе всегда об этом и говорю, – назидательно чётко и отрывисто произносит Шуа-хан. – Только понимание единодушия у нас с тобой разное. Ты метишь к великому самовластию, я же лишь наместник истинного правителя. Я положил жизнь в укрепление окраины, ты же рвёшься отломить её и обескровить. Мы по-разному видим мир...

- Тот мир, который видите вы, давно рушится и вот-вот развалится вовсе. И вы прекрасно понимаете это, только боитесь сознаться в бессилии. Я понимаю, в немоги трудно признаваться, любезный мой дядюшка. Но мне не хочется погибать под обломками вашего мира, и потому буду создавать свой..., – Юн быстро хмелел и был хвастлив и неприятен.

Вновь появился слуга с блюдом из двух больших рыбьих голов в горке, ещё дымящегося паром, варёного риса.

- Прекрати беспрестанно называть меня дядей, – злится Шуа-хан на племянника и резким движением руки отсылает раба прочь, после того как тот ставит блюдо на столик.

Затем успокаивается и, отхлебнув пару глотков из пиалы, пытается выяснить истоки самоуверенности племянника:

- Ты намерен противостоять империи с отрядом своей раболепствующей гвардии с парой бездарных сотников во главе...?

- Вы, как и двадцать лет назад, видите во мне сопливого дурачка. Ха-ха..., время нещадно работает над всем. У вас оно отбирает силу и власть, а мне оно пока ещё даёт способность понимать связь вещей в людских помыслах, да ещё,

пожалуй, оно не жалело для меня мужской силы и способности владеть жёнами..., – Юн горделиво задирает нос и расплывается в самодовольной улыбке.

- Я слышан о твоих подвигах в утехах и сладострастии, – укоризненно замечает наместник, легко постукивая деревянными косточками суан-пана; эта небольшая счётная доска всегда почему-то подворачивалась под руку, когда Шуа-хан нервничал. – И этой славой ты собираешься объединить вокруг себя воинов твоего нового мира...?

Юн почему-то встал, шелестя шёлком дорогого халата, подошёл к лёгкой раздвижной двери, убедился, что за ней никого нет и, понизив голос, заговорил:

- Я не думаю, что у императора сегодня есть силы удерживать территории в повиновении. К Великому океану теперь ему не дотянуться, у него и без того теперь много забот в столице и в ближних землях. Ваш совет в Фурдан-чэне показал, что на окраинах империи и того больше разногласия. Мы здесь, вдалеке от столицы, оказываемся самыми уязвлёнными для просочившихся сквозь земли империи выскочек, бродяг и кочевников. В таких же условиях когда-то однажды оказались и наши предки – оплот и слава Великого Царства, не устоявшие под натиском орд надменных киданей. Деда сгнули в кровавых битвах, и ничто не помогло им – ни время, ни границы-реки, ни духи наших гор. Предки были слишком добры и благодушны...

- Все души бессмертны, души же добрых божественны..., – заметил философски Шуа-хан.

- Но эта божественность ничего не значит в жестоком мире людей. Мало того, эта ваша божественность мешает принять правильное решение в трудный миг...! – запальчиво взвизгивает Юн.

- Ты мерзавец и невежа. Память о величии предков всегда вдохновляет горячие сердца на подвиг, – назидательно поднимает указательный палец Шуа-хан.

- О каком подвиге вы сейчас говорите? Умереть в неизвестности за эфемерную целостность империи? Да я лучше вступлю в сговор с Кидань-ханом..., – опрометчиво проговорился Юн и осёкся.

- Ах, вот, оказывается, куда ты гнёшь..., – наместнику окончательно стал ясен замысел племянника. – Мне доносили о твоих поползновениях, но до сего времени я не хотел верить в то, что ты так низко пал. Что же прикажешь делать с твоим признанием теперь...?

- Это не признание, – как-то вдруг успокоился Юн. – Это предложение. Я собственно и приехал с этим...

- Давай выкладывай, – хмуро и тоже спокойно предложил Шуа.

Юн допил хмельной напиток, прошёлся мягко как кошка по ковру, постоял у небольшой красочной картины с изображением степного всадника, полистал зачем-то лежащую тут же у картины на подставке красивую тяжёлую книгу и сел, опять сложив руки на животе.

- Вы, оставаясь наместником и наставником, занимаетесь духовными, возвышенными делами, читаете «Алтун ярук», – племянник кивнул на книгу. – Спокойно достраиваете усыпальницу нашей любимейшей тётушки и ведёте спокойный умиротворённый образ жизни...

- Какова же цена такому спокойствию...? – сверкнул очами Шуа-хан, понимая дальнейший ход разговора.

- Первое, я перебираюсь в Шуа-чэн – эти стены по-прежнему должны ограждать власть. Во-вторых, вы оставляете командование гвардией, темники переходят в моё подчинение. И последнее – я беру в жёны Гюльджели...

- Сейчас ты подобен чудовищу Чиу, питающемуся, как нелюдь, песком и камнями. Ты хоть и говоришь человеческим языком, но ходишь и рычишь зверем. Твоя медная голова наполнена нечеловеческими помыслами. Одно твоё желание смешать кровь – достойно лишь одного – жестокой и немедленной смерти..., – стиснув зубы, проговорил наместник.

- Всё, что вы говорите о боге войны – лишь ничего не значащие сказки, пугающие детей и неучей. Я же предлагаю реально сохранить и упрочить власть. Соединив меня с дочерью, вы сохраните законность перемен, в противном случае они свершатся, но уже без вашего и её участия. И ещё... я вынужден признаться в том, что последнее время мне не нужны женщины...

- Ха! – язвительно усмехнулся старик. – Я тренировал в себе умеренность и воздержание, как-то не заботясь о способности деторождения. Его вместе со здоровьем мне до сих пор дают боги, преобладая всегда над моими тренировками. Ты же всегда излишне упражнял влечение к сладострастию, вероятно надеясь превзойти в этом природу. В наказание боги силою заставили тебя воздерживаться, и... ты должен благодарить их. Они спасают тебя от излишеств и, может быть, от преждевременной гибели.

- Зато боги теперь дают мне силу быть хитрее и изворотливее в достижении других желаний..., – Юн берёт рыбью голову руками и смачно вгрызается зубами в сочный, исходящий жиром, хрящ.

Ветер за стенами дворца набрал силу и злобно обрушился на ближнюю рощу крепких приземистых дубов. Срывая и обламывая ветви, он расшвыривал их окрест, долго завихряясь в воздухе охапками листьев и мелких сучьев, покрывая ими крыши и стены жилищ. Начавшийся вновь дождь то стихал, то срывался вдруг безудержно потоками, мигом заливая всё вокруг. Тут же ветер злорадно хлестал порывами по этим потокам, шипя и поднимая веером брызги от земли вверх, и мокрым вихрем со стоном и скрежетом пытался разрывать кроны деревьев на части.

Громкий хохот и задиристые голоса мужчин внизу нет-нет дополнялись повизгиванием женщин и, должно быть, слышны были и за стенами ханского дома. Такое здесь раньше случалось редко, но в последнее время племянник зачастил в Шуа-чэн, а с ним в город врывалось и шумное праздное сопровождение. Хан знал, что в такие дни народ старается держаться подальше от дворца, иначе есть риск угодить под коней загулявших гостей или незаслуженно получить плетью по голове.

- Ты беспричинно торопишь события, – пытается успокоиться и утвердить свои позиции в разговоре наместник.

- Боюсь, мы опаздываем с выяснением отношений, и половину дел за нас делает уже в данное время орда Кидань-хана на подступах к Малой Крепости...

- Во многом я согласен с тобой. Ты ещё молод и в том твои преимущества. Но пока ты подчинишься моим приказам, и будешь делать то, что задумано

мною. В противном случае заплатишься жизнью. Умерь свои помыслы о самовластии. Это путь к гибели города. Нам же нужно сохранить народ и крепости в целости. Поэтому первое, что надлежит делать это – хитрить и ждать. Нужно положиться на время. Я не против твоего сговора с киданями. Вступив в сношения с кочевниками, ты должен будешь извещать меня обо всех их передвижениях и намерениях. Это приказ. И не вздумай излишне водить меня за нос. И о помолвке с дочерью выброси из головы. Я допущу тебя к командованию отрядами, но только наравне с моими командирами не более. Ты больше выиграешь двуличничая. Такая наука будущему правителю никогда не вредит..., – наместник замолчал и задумался: «О, времена! Где вы, благопристойность и величие славных правителей, пекущихся о могуществе и процветании союза народов? Где вы, мудрость царей неба и послушание тружеников земли...?».

Племянник, хмельно позёывая, понимает, что настало время прервать серьёзный разговор.

- Ну, что ж, мы приятно обменялись мнениями, дорогой дядя. И время, я думаю, вскоре покажет мою правоту. Теперь я, пожалуй, с вашего повеления покину вас и опущусь к делам праздным и не требующим большого ума...

- Да, да. Оставь меня, и сделай милость, попроси своих гуляк вести себя тише. Оставьте силы на завтрашний день...

Племянник зовёт слугу и, опираясь на него, уходит вниз к шумной компании.

«...Знать погрязает в излишествах и разврате. Её нравы и интересы всё более и более непонятны для простолюдинов. Их жёны не плодят им детей, утрачивая истинное предназначение своё. Они не знают истинного пути, но всячески скрывают это, ложью и обманом продолжая править. Оттого ещё больше увязают в праздности. Говорят, так уже бывало не раз среди людей. И скоро вновь наступит предел, и тужени-таранчи перестанут кормить таких владык, всё более и более склоняясь к низменным нравам кочевников. Странно, но наступает момент, когда низкие гнусные обычаи номадов-перекати-поле становятся ближе и понятнее «высокой нравственности» наших бездельников, докатывающих до кровосмешения. У кочевников же в этом строгие законы, позволяющие народу плодиться и жить должным образом. Они выносливы и дружны, отважны и искусны в бою, их женщины чисты и благонравны. Это не может не подкупать...» – Шуа-хан долго сидит в одиночестве, размышляя, пока не засыпает, сидя, склонив по-стариковски голову на грудь.

Внизу гости гуляли до утра...

Ч. 4 Праздник

...Ночью буря утихла, и к утру небо открылось изумительно чистым лазурным шатром над успокоившимся на вершинах лесом, что в лучах тихого доброго солнца оправлял ветви свои бесшумно, устало и задумчиво. Листва блистала каплями вчерашней воды, а приречный луг вдаль перемежался полосами размётанной в разные стороны высокой травы. Словно серебряная

кисть прошлась по всему свету, оставляя замысловатые загадочные мазки на склонах ближних сопок, на мерно поблёскивающих котлубанях спокойной протоки, по поверхности зеленоватых ильменей, на камышовых зарослях вдоль всей изумрудной долины, на голубом небе, на земле, на тёплом жёлтом солнце, встающем величаво и спокойно над успокоившимся после бури миром...

Праздник, затеянный по приезду племянника Юна, несмотря на пронёсшийся ураган, оканчивался на второй день состязанием лучших в долине наездников. От южных ворот к началу скачек устремилась пёстрая толпа зрителей. Наместник на носилках с откинутым пологом в окружении челяди и приближённых расположился на возвышенности слева, откуда была видна зелёная долина реки и её левого притока, на ровном берегу которого всегда проходят праздничные бега. Тут же на лошадях два легендарных темника в боевых доспехах, на которых возложена организация соревнований. У того, что старше на поясе знак большой власти – золотая пайцза с одной яшмовой вставкой и с изображением лежащего тигра. Чуть в стороне женщины: жёны чиновников и военных, среди которых и весёлая Гюльджели.

Участники забега в количестве доброй сотни растянулись ровной линией к реке поперёк зелёной луговины, широко раскинувшейся правым берегом притока.

Шуа, обратившись к младшему из темников, вспомнил:

- Вчера мне показывали оборванца, говорят, он один из «наездников дьявола». Дайте ему лошадь, я хочу посмотреть каков он в седле на самом деле...

Темник поворачивается в седле к группе чиновных людей и рукой, перехваченной у запястья кожаным браслетом, подзывает одного из них и, нагнувшись, с лошади передаёт распоряжение наместника.

- Его, кажется, определили в каменоломню..., – осторожно пытается напомнить чиновник, но Шуа-хан слышит и жестом, не терпящим возражения, останавливает его:

- Сегодня пусть скачет...!

Соревнование явно задерживалось. Небо сияло ещё летним светом, и солнце, старательно высвечивало и холмы дальних вершин, и раскинувшиеся луга за рекой, и слева влажное с богатой листвой редколесье, уходящее вольной шеренгой дубов к синим предгорьям Да-шаня. Заждавшиеся лошади на лугу у высокого столба с цветным стягом наверху нервно перебирали ногами и хлестали себя хвостами, отгоняя появившихся вдруг роем оводов. Основными участниками скачки были лучшие воины из отряда гвардии наместника, дополняли их всадники из вольных «перекати поле», о которых толком никто ничего не знал и поговаривали, что это люди Кидань-хана, таёжными тропами проникшие совсем недавно в долину. Внешний вид кочевых сунов выдавал их неустроенный образ жизни, но на небольших разношёрстных лошадях они были подвижны, дерзки, красивы, и в них чувствовались крепкая общность и сплочённость меж собой. Одиночками среди участников выделялись пара туженей – людей земли, рискнувших отвлечься от своей обычной работы на поле и отличиться в столь редком в долине событии. За победу в скачке от наместника была обещана награда и покровительство.

...Юношу монгола привели быстро и поставили на колени у носилок наместника. Не понимая ещё происходящего, он исподлобья разглядывал празднично настроенных людей и недоумевал.

- Тебе велено скакать, как ты это умеешь делать..., – толкал его в спину коленом сотник, тот, что возглавлял третьего дня конвой.

Когда привели пегого мохноногого жеребчика и показали на изготовившихся к состязанию всадников на лугу, юноша сообразил, что от него хотят. Озорные искры заблестали в его глазах, на лицо набежала улыбка и он, не раздумывая, ловко сел на коня. Ещё через мгновение его грязные голые пятки и грубо остриженные вихры уже мелькали в отряде наездников. И как только из угловой сторожевой башенки на городском валу прозвучал удар в большой барабан, конники с гиканьем и криками сорвались с места, устремившись влево вдоль редколесья к высокому столбу вдалеке с чуть трепещущим белым полотном, означающим середину дистанции и разворот. Лошади бежали, взметая из-под копыт комья сырой земли вместе с травой, вырванной с корнями. Сбоку по тропе вслед за состязующимися всадниками с криком высыпала ватага скуластых загорелых, совершенно голых, либо с куском холстины на бёдрах огольцов.

С первых же мгновений от общей массы всадников, медленно растягивающейся в цепь, отделились пятеро, что плотной группой, набирая скорость, резво ушли вперёд. По островерхим кожаным шлемам, поблёскивающим в толпе, в троих из них сразу узнавались гвардейцы наместника. Четвёртым был по пояс голый ловкий тужень на молодой красной кобыле. Замыкал пятёрку кочевник с болтающейся у колена пёсией серой шкурой. Пегий конь с Тимохой бежал в середине забега. Серый халат на юноше взгорбился за спиной, и, казалось, всячески мешал. С первых движений можно было видеть, что скакун не знает седока, вертит головой, рыскает из стороны в сторону, теряя ритм и сбиваясь с шага. Но вот Тимоха, согнув круче и подобрав плотнее и выше к бокам коня колени, втягивает голову в плечи, низко наклоняется к вихрящейся жёсткой гриве и, словно слившись с конём, заставляет его напрячься и ускорить бег. Первая пятёрка уже подходит к середине дистанции, когда пегий жеребчик вырывается в лидеры отстающей основной группы и, уверенно отрываясь, устремляется вперёд. Среди зрителей раздаётся вопль восторга и удивления одновременно. Мальчишки, сразу же отставшие от забега, залезли в крону одинокого ветвистого ясеня на взгорке чуть в стороне от тропы, и, раскачивая его до лёгкого треска, кричали во всю мочь, оглашая долину ребячьим визгом.

Минуя середину пути, пятеро первых всадников вдруг резко разделяются. Хрипят и тяжело дышат кони. Влажная земля коварно выскользывает из-под копыт. На повороте красная лошадь чуть скользит передней ногой, низко припадает на неё, задевая при этом второго всадника, потом, всё же удержавшись на ногах, продолжает бег. Но сбит уже темп, сорвался шаг и у гвардейца, что шёл рядом и у кочевника, что летел следом, стараясь держаться вплотную к лидерам. И вот уже только пара всадников впереди, трое, промешкавши, отстают...

Тимоха ловко обходя на развороте половину расстояния, не потеряв при этом скорости, через мгновение уверенно догоняет потерявшую темп тройку скакунов. Теперь всё внимание зрителей направлено на пегого коня с босоногим наездником. Первых двух теперь уже никто не догонит, но вот кто будет третьим...? Тимоха сбрасывает с плеч халат, что серой неуклюжей птицей отлетает в сторону и падает в траву, подминая её рваными лапами-крыльями. И, кажется, именно этот халат мешал коню: он выше задирает голову, склонив её чуть в сторону, при этом, подавшись вперёд грудью, начинает уверенно набирать ход. Ещё рывок и юноша настигает тройку, борющихся теперь уже меж собой, всадников. Ещё несколько мгновений и Тимоха, втиснувшись в их строй, вот-вот на полкорпуса уйдёт вперёд. И в этот миг всадник справа, сверкнув искоса из-под шлема злобным взглядом, словно невзначай наотмашь хлещет пегого конька по глазам, протягивая далее плетью Тимохе по плечу. Жеребец вздёргивает головой, скользит передним копытом, спотыкается и неловко падает на одно колено, разворачиваясь при этом резко в сторону и опрокидывая седока. Тимоха, расслабившись, отпускает повод и летит с коня, чуть коснувшись плечом земли, перекатывается и ловко встаёт на ноги. Зрители в этот момент замирают, но через мгновение, разом выдохнув, тут же переводят внимание на лидеров. Пегий, сделав пару шагов ещё по инерции, хрипло и часто дышит, потом останавливается и, развернувшись к юноше, виновато опускает голову к земле. Тимоха ложится ничком в траву и, растирая грязными кулаками глаза, беззвучно плачет...

Когда скуластые мальчишки принесут ему рваный халат, и два рослых чжурчженя приведут его к носилкам наместника на неподвижном лице юноши останутся лишь разводы от слёз, но в глазах уже серой яшмой проглянет спокойное смирение, замешанное поровну с потаённой гордостью.

- Ты и впрямь из «наездников дьявола»...? – заговорил с ним по-монгольски Шуа.

В ответ юноша молчит, не глядя в глаза наместнику, лишь ниже приседая на колено, но приподнимая при этом выше и горделивее голову.

В это время четыре слуги поднесли небольшой паланкин, за прозрачным розовым пологом которого угадывался женский силуэт. Стоя на коленях, Тимоха невольно искоса засмотрелся на него. Встрепенувшееся вдруг отчего-то сердце юноши подсказывало, что за лёгким покрывалом сидела та девушка, что вчера смеялась из окна. Он чувствовал её зачарованный взгляд в прорезь чуть приоткрытого полога. Вот колыхнулась ткань, и он увидел её смуглую маленькую руку, лишь на мгновение показавшуюся наружу. Этого мгновения было достаточно, чтобы то, что было в ней, мелькнув, бесшумно упало к наклоненному колену юноши. Он опустил глаза и, увидев небольшой нефритовый перстенёк, незаметным движением подобрал его...

Ч. 5 Каменоломня

...Невольники в каменоломне работали от темна до темна. Ночью ютились в каменных выработках либо в шалашах из ивовых жердей, чуть прикрытых снопами рыжего резуна или густыми ветвями таволги, связанной кое-как в пучки-метёлки жгутами всё той же осоки-шумихи или другой жёсткой травы.

Всё это немудрёное строительство вершилось из зарослей, что болотистыми марями непролазно кустились на близлежащих лесных полянах да остистыми метёлками колыхались в безлесных прогалинах по распадкам. Шалаши строили или переносили по мере того, как расширялась площадь, освобождаемая от камней. Летом забота о ночлеге меньше, потому как заснуть после изматывающей работы можно просто у тёплого камня, бросив под бок соломенную рогожу либо вообще на голом щебне, но с приходом осенних заморозков о ночи нужно было заботиться ещё днём. Грелись, чередуясь, уставшие каменотёсы у небольших костров, не гаснувших ни днем, ни ночью. Хворост и дрова для огня непрерывно несли возвращающиеся за камнем тужени-носильщики. Зимой вереница носильщиков камня несколько редела, но не иссякала совсем. Охрана каменоломни располагалась в бревенчатом низком жилище с плоской крышей из коры тех же стволов, что пошли на стены. Над жилищем с приходом холодов из неуклюжей глиняной трубы нет-нет курился дымок: то стражники топили канн, подогревая каменный, вдоль трёх стен шириной в рост человека канн, устланный камышовыми циновками, на котором спали. Тут же у чистого ручья под навесом из веток и коры в двух больших котлах рабы готовили еду – в одном для охраны, в другом для невольников, с разницей лишь в качестве продуктов. Если охране старший из поваров закладывал в котёл рисовую кашу из злаков почище да погуще, то невольникам заправляли в котёл любую смесь, что каким-либо образом напоминало собой зерно.

Ныне зима случилась лютой и непреклонной с самого конца осени. Первые осенние снега, обычно тут же таявшие через пару дней, в этот раз остались лежать прихваченные первыми морозами, и всю зиму к ним лишь добавлялось день ото дня ещё больше снега. В конце концов, накопившись за долгие медленные дни, к весне снега лежали окрест в долинах тяжёлым холодным одеялом так плотно и накрепко, что думалось не придёт и тепло, способное растопить их. В иные дни ветер, взывав вьюгою над открытым пространством вдоль серых гривастых роц и речных берегов, увлекал верхний слой снега непроглядным белым облаком за собой и прессовал из него по опушкам и под кручами в рост человека плотные глухие сугробы. Снежные бури этой зимой случались часто, словно кто-то всеильный и властный рассердился на здешние леса и поля, и в назидание кому-то засыпал долину надолго и основательно.

...Как только на восходе вдоль мрачных вершин серело небо, и тьма медленно отступала в распадки под сень лесистых склонов, в каменоломне начиналось движение. Под скребущий лязг цепей и зычные окрики охрана разводила дробильщиков парами по карьере, расставляя их вдоль выработки. Рабы одевали каждый сам на одну ногу железный обруч с небольшой тяжёлой цепью, прикованной к ржавой скобе, закреплённой глубоко вбитым в скалу шкворнем, и никогда не торопились приступать к работе, прежде чем старший из охраны не проходил с громкой отборной руганью вдоль всего каменного отвала. Инструментом служили различной длины железные и деревянные клинья, тяжёлые, с давно и безобразно наклёпаннами обухами молотки, да деревянные кадки с водой, из которых поливают на вбитые в скалу клинья. Этими немудрёными приспособлениями нужно было отламывать от скалы как

можно больше камней, которые затем унесут в ивовых корзинах на строительство исхудавшие и оборванные носильщики.

За долгое время работ рабы и охрана невольно сравнялись жизнью, и большого отличия в быту тех и других почти не было, за исключением одного важного: воин должен быть всегда здоров, рабу же позволялось заболеть и умереть. Сотник, возглавлявший охрану каменоломни, неустанно следил за тем, чтобы это отличие всегда исполнялось надлежащим образом. Потому, когда к нему обращались с какими-то просьбами рабы, он долго и вычурно упражнялся в ругани, пиная склонившихся на колени просителей, но, в конце концов, уступал и давал добро. С воинами из подчинённого ему отряда сотник разговаривал с той же избранной руганью, но поскольку воины ничего никогда не просили, пинки за них доставались всё тем же невольникам.

Оцепление всей каменной выработки было постоянным и сплошным, включая и восточные крутые осыпи, куда охранники, время от времени подменяя друг друга, добивались с солнечной стороны горы по узкой крутой тропе, петляющей в зарослях багула-болиголова. Караулы на этом склоне, прикрытые сзади крутыми скалами, располагались на маленьких вытоптаных участках над отвесной каменной кручей и считались не столь ответственными, сколько самыми трудными, поскольку смена сюда не спешила, еду часто вообще не приносили. Находиться здесь было больше похоже на наказание, чем на службу. В один из таких караулов и попал с самого начала Тимоха-Далда. Так юношу прозвали ещё в обозе чжурчжени, как на киданьский лад здесь почему-то называют всех людей мэngu, на что он откликался, и потому это сразу же стало его именем, словно так его звали всегда. Сотнику он не понравился сразу – всем своим видом оборванца Тимоха подходил более для работ в каменоломне, чем для охраны. Среди воинов оцепления было много бывших невольников. За лучшую похлёбку раб всегда согласится охранять и заставлять работать другого раба. И ничего с этим не поделаешь, люди живут так издревле. «Но этого выскочку велел пристроить сам Шуа-хан, и надо думать он не забудет при случае поинтересоваться, как проходит наука среди воинов этот заморыш. Но для начала пускай поторчит на косогоре...» – решил сотник. – «А потом посмотрим, на что он сгодится». Сотник, достойно заслуживший своё звание командира, прошёл трудный путь воина от простого лучника в степных отрядах под Фурдан-ченем до гвардейца в дружине наместника, и оказался в конце годеи лишь для того, чтобы охранять с полусотней оборванцев и бродяг каменоломню. Это злило старого вояку, но, смирившись с долей, он научился извлекать из своего нынешнего положения выгоду в том, что почти устранился от всяческой работы, передоверив охрану невольников головорезам из среды осуждённых судом Империи за злостные преступления и сосланных на работу в этот дальний край великой страны. Среди невольников было много грабителей, воров, убийц и просто бродяг и бездельников, попавших в поле зрения чиновников по надзору за населением. Были среди дробильщиков камня и вполне смиренные люди, рискнувшие сомневаться в величии и богоизбранности императора и ненароком по своей оплошности где-либо в толпе вслух высказавшие это. Последних каким-то удивительным образом объединяли ежедневные молитвы, творимые по утрам и ежевечернее, словно у них было

общее тайное дело, которому предавались они душой и считали его важнее, чем забота выжить под надзором озлобленных воинов в этом промозглом студеном каменном мешке, важнее самой жизни, полной лишений и невзгод. Этим делом была вера в другую лучшую жизнь, в справедливость среди людей в какой-то неземной жизни, принципы которой они утверждали между собой и проповедовали всем прислушивающимся. Таких в каменоломне было с десяток, и держались они своей группой, в которой выделялся нескладностью и худобой смуглый юноша с простым, но звучным именем Могул. Даже среди чжурчженей охранников поговаривали, что этот парень – внук Вогуз-хана, одного из вождей крепкого рода правящего где-то далеко на заход солнца в долине Селенги, два десятка лет назад казнённого в столице по приказу императора за непокорность и своеволие. Этот слух пришёл за юношей следом, как только его привели прошлым летом с группой невольников...

...Сверху, со своего караульного места на небольшой площадке над карьером, Тимоха видел только часть каменоломни, поскольку обрывистый каменный выступ справа, угрожающе нависая над работающими под ним рабами, попросту закрывал большую часть пространства, а видимая рабочая площадка слева была небольшой, камни здесь уже значительно выбрали, и лишь десяток невольников копошились на ней под присмотром одного часто дремлющего надсмотрщика, которого Тимоха со своего места видел хорошо. Надсмотрщик же, в свою очередь, снизу и чуть сбоку тоже видел новенького и для первого знакомства что-то прокричал, приветливо размахивая руками. Тимоха, не зная языка, просто догадывался, что воин, вероятно, интересуется его самочувствием или настроением, и нехотя ответил ему, приподнимая над головой короткое неказистое копьё, дескать, порядок, всё нормально. Этим нехитрым вооружением ему поспособствовал сотник, распорядившийся отыскать хоть что-нибудь для новоявленного голозадного вояки. Пока стояла сухая солнечная осень и баловала теплом, юноша разжился грубым соломенным мешком, который приспособил как накидку поверх своего почти истлевшего халата. С приходом первых заморозков среди невольников заболел и умер тощий китаец, почему-то в насмешку прозванный Кушлук-ханом. Тимоха знал, что так степняки называют своих сильных великих вождей, а бедняга сунн вероятно и в рабство попал от нищеты своей и беспросветных долгов. По заведённому обычаю охрана поделила лучшее из его скарба. Пара безобразной рваной обуви из толстой воловьей кожи и кусок грязной материи на пояс достались Тимохе. Поэтому зиму, можно сказать, он одолевал с достоинством.

...Второй день после случившейся пурги его не меняли в карауле. С утра к нему, пробивая тропу в заносах, забрался разносчик еды, плеснул в чашку похлёбки, насыпал в горсть немного зёрен чумизы, да в придачу оставил лоскут почти сухой, пахнувшей потом конины, и ушёл, что-то невнятно проворчав на прощание. Должно быть, разносчик не знал ни слова по-могольски, а на другом - Тимоха не понимал, разве только что вот с урусом Никитой как-то сладилось, и кое о чём можно было говорить. Проглотив похлёбку, он даже подремал, прильнув боком на приличный обрывок грубого войлока, оставшийся от прежнего караульщика, прищуривая глаза на солнышко, трепетно проглядывающее сквозь серые сучья деревьев. После ненастья всегда случаются

погожие тихие дни, когда чуть отпускает мороз и мир становится добрее. Когда слышался за спиной какой-либо странный шорох, он долго осматривался, внимательно изучая вверху над собой скальные заросли в снегу, но так ничего больше и не расслышав, успокаивался. То лишь лёгкий ветер шелестел в жёстких листьях дуба, да попискивала синяя пичуга в кроне корявой липы. Да ещё думал, что это должно быть какая-то малая зверушка случайно близко подбирается к его закуту у голого, чуть освещённого солнцем шербатого валуна. Согревался, временами двигаясь по кругу площадки прыжками или перекатываясь с боку на бок.

Ночью, глядя в фиолетовое небо, где надкушенной лепёшкой висела луна, пытался рисовать картины. Соединяя мысленно чертой соседние звёзды, видел летящего ковыльным полем конника, или грустное в слезах лицо матери, а в пятнах чистой луны находил зайца или морду ржущей лошади, а ещё там же мельком виделись те... смеющиеся девичьи глаза среди чужого громкоголового праздника прошлым летом. Тимоха пощупал в поясе перстень, и вновь глядел в небо. А вот висит большой красивый ковш и в нём, должно быть, чистая холодная, как в тенистом ключе, вода. Чуть выше ручки ковша яркая неподвижная всегда звезда Алтан-гадас. Припоминается, как дед называл её золотой коновязью, которую делали белые небесные кузнецы и вокруг которой вечно вращается небо. Дед всегда показывал в том месте отверстие в другой мир и верил, что и на земле где-то обязательно есть пуп-дыра, которую можно отыскать, но прикрыто оно большим неподъёмным камнем.

Откуда-то в душу прокралась тревога. Ещё мгновение назад он подрёмывал, кутаясь краем войлочной подстилки, был спокоен, но вот трепыхнулось отчего-то беспокойно сердце, словно почуяв опасность. Не меняя позы, он, напрягшись, прислушался и повёл взглядом по сторонам. Может быть, излишне громко зашелестел лист на дереве, или лёгкая веточка, сорвавшись с вершины, пролетела сквозь крону и упала с шорохом на снег? Но почему так напряглось сердце и затаилось дыхание? Что ещё происходит рядом в синей мгле зимней ночи, ещё невидимое и неслышное, но свершающееся в этот миг и несущее неотвратимую опасность? За мгновение до того, как чья-то мохнатая быстрая тень налетела на него сверху, Тимоха, напрягившись, успел откатиться в сторону. И только когда опрометчивый “гость”, прошуршав по снегу, коснулся того места, где он только что дремал, Тимоха по сопению и по всему виду напавшего сообразил о его явно недобрых намерениях. Незнакомец был небольшого роста, ловок, одет в короткий меховой зипун, с непокрытой головой, лицо его скрывала повязка, над которой в лунном свете поблёскивали лишь глаза. Прежде чем налётчик понял, что промахнулся, Тимоха, в свою очередь, упершись спиной в камень, с силой толкнул неприятеля ногами. Тот ловко сумел увернуться и тут же успел схватить юношу за ногу. Площадка, на которой ютился Тимоха, была слишком мала для потасовки, потому оба понимали опасность свалиться в темноте с кручи в карьер. По действиям непрошенного гостя было понятно, что молодого воина из охраны каменоломни он намеревался лишь ошеломить и связать. На этот случай у лазутчика в руках была верёвка, которой он и пытался сейчас запутать ноги юноше. И ему это отчасти удалось. Поймав одну ногу Тимохи, он ловко накинул на неё петлю и

только благодаря этому сам удержался на выступе, крепко сжимая бечеву руками. Понимая, что нужно как-то выворачиваться, Тимоха второй ногой, не давая поймать её, сильно ударил несколько раз неприятеля в голову. Страх в сердце не было, была ярость и желание победить в схватке.

Его спасло короткое копьё, небрежно оставленное в стороне и застрявшее меж камней. Нащупав древко, Тимоха, словно прилипая к земле, прочно держался на месте, продолжая отмахиваться ногой. Лазутчик рычал, уворачиваясь от ударов, был силён, и, тем не менее, получив пару добрых тумачков, как-то разом ослаб и, чуть опустив бечеву, попытался ползком выбраться на тропу, убегаящую круто вниз. Чувствуя свою уязвимость, Тимоха одной рукой перехватил верёвку и попытался быстро освободить ногу. Удача и здесь не покинула его. Рывком освободившись, он до упора потянул верёвку на себя и, убедившись, что налётчик теперь держится за верёвку всеми силами, резко отпустил шершавый конец. Незнакомец не удержался на узкой тропке, заскользил, набирая скорость, к обрыву и, цепляясь в отчаянии за редкие прутья сухого чертополоха в снегу над кручей, не удержался и, не издав ни звука, сорвался в каменоломню. Всё случилось так быстро и почти бесшумно, что Тимоха, не постигая до конца случившегося, некоторое время, затаив дыхание, слышал лишь биение своего сердца. «Если меня хотели связать и похитить, значит, до этого долго наблюдали издалека сверху и решили брать налётом. То, что я столкнул китата – чистая случайность. Наблюдатели могли не заметить копьё, о котором я и сам, признаться, позабыл. Если бы они хотели убить меня, то сделали бы это из лука с трёх сотен шагов одной стрелой, не поднимая шума. И найти их после этого было бы невозможно...». Серьёзность намерений налётчика была на лицо – поздняя ночь, верёвка в руках. Всё произошло так быстро, что Тимоха даже не заметил, вооружён ли был налётчик и чем. Наверняка он был не один. В одиночку ночью на такое не ходят...

Сверху послышался негромкий свист. Ошибки не было – значит, наверху есть кто-то ещё. Тимоха продолжал недвижно лежать, вцепившись намертво в древко копьё. Затем бесшумно вытащил своё оружие из камней и был наготове применить его в дело. Второй лазутчик, действительно, не заставил себя долго ждать. Вот вновь вверху мелькнула быстрая тень. Как ошибались эти незнакомцы, принимая Тимоху за несмышлёного неуча! А он, благодарный не приметному копьёцу, ещё покажет, как встречает врага настоящий воин. Затаившись, Тимоха видел, как налётчик, чуть спустившись по утесу, приготовился к нападению, в руке у него сверкнул нож. Но лишь только он оторвался в прыжке от скалы, Тимоха резко развернулся навстречу, выставив перед собой копьё. Не ожидая того, лазутчик сам налетел животом на остриё и, глухо простонав, навалился беспомощно всем телом на юношу, не успевшего увернуться. В самый последний момент Тимоха поймал его руками за горло и, судорожно сжимая его изо всех сил, долго ничего не чувствовал кроме тяжести навалившегося врага и исходившего от него духа дымного кочевья. Так была удачлива ныне его судьба – два врага, охотившиеся сегодня ночью на него, были мертвы! По крайней мере, этот второй был насквозь проткнут копьём и уже не дышал, когда Тимоха, дрожа от возбуждения, выбрался из-под него. Так и не уняв дрожи, он встал на ноги, набрал полную грудь воздуха и громко во

всю мочь закричал: – «А-а-а-а...!». Через мгновения снизу в каменоломне отозвались также громко несколько голосов сразу, и тотчас замелькали тревожно огни факелов...

Поутру вокруг двух мертвецов сгрудилось почти всё население каменоломни. После случившегося сотник приказал обследовать весь косогор, нависающий над карьером. «Гости» пришли издалека нехоженой лесистой гривой по увалу меж двумя заснеженными распадками. Может быть, зная что-то о каменоломне, кидани шли сюда явно без определённой цели. Наткнувшись на людное место, они пару дней, без огня, питаясь сухими припасами, вероятно, наблюдали сверху за работой невольников и только потом решились напасть. Тимоха им приглянулся, вероятно, потому что был юн и безоружен. Сами они тоже оказались молодыми и налегке, если не считать что у каждого, как оказалось, был нож и лук с полным колчаном стрел, которые, чтобы не выдавать себя они не собирались применять, разве только на оленя или кабана для пропитания, поскольку были в разведке явно немалое число дней. В долине последнее время вообще много говорили о лазутчиках Кидань-хана, но так далеко на полдень с вершин большого водораздела их никто не ожидал увидеть. Эти двое, вернее всего, поднимались от источников Судзу и долго шли за солнцем на перевал, прежде чем спуститься в долину Реки Богатых Урожаев. Значит там за синими вершинами в Великом Каменном Городе хозяйничают кочевники...!

После схватки с лазутчиками Тимоха стал известным героем в сотне охраны, да и в среде каменотёсов восхищались удачей юноши. Доставшиеся с двух погибших кочевников трофеи сделали его вмиг сказочно состоятельным человеком...

...Как бы не лютовала зима, приходит и на неё управа. Чтобы не происходило в этом суровом мире, ничего постоянного в нём нет. Всё проходит своим чередом, все, так или иначе, изменяется.

К весеннему равноденствию работы по отсыпке кургана не были закончены, и перенос кумирни не состоялся, хотя пирамидальное сооружение усыпальницы теперь было видно издалека и можно было полагать, что к сбору урожая строительство всё-таки завершится. По приказу наместника, чтобы ускорить работу на кургане, теперь камни носили и ночью. В каменоломне горело несколько костров, светом которых освещались площадки с дробленным камнем, куда протягивалась цепь туженей, по очереди выныривавших из темноты. Носильщик подставлял корзину невольнику, тот загружал её, и тужень быстро уходил вновь в глухую темень по каменистой дороге к чуть виднеющемуся силуэту кургана. Иногда по разрешению старшего караульного, дремавшего тут же с двумя-тремя воинами у костра, работа чуть затихала и невольники, собираясь в небольшие группы, насколько хватало длины цепей, подходили к огню. Пили, припасённую в деревянных кадках воду, кто-то прилаживался у валуна подремать, кто-то доставал из рванины штанов чёрствую лепёшку и, присев на корточки, под голодными взглядами пытался разделить её как можно на большее количество крох для всех, а затем, без мыслей глядя в огонь, жевал её. Тут же находился балагур, сочиняющий очередную страшную историю о недавно сожжённых покойниках, которые якобы продолжают ходить ночами в

каменоломне и пугают всех, кто попадаетея навстречу. Души рабов, погибших под завалами или от истощения, называли фунгуями, и очевидцы утверждали, что они действительно бродят в окрестностях, и их рыжие клинообразные головы можно часто видеть в гротах и в тени больших валунов. Спасти же от такой привязчивой неуспокоенной души можно лишь оберегом на шее, либо мечом, которым зарублено много людей. Но знатоки, якобы встречавшиеся с фунгуем, вполне уверенно утверждали, что помогает простой крик или плевок, которого такая душа боится.

...В одну из зябких ночей Тимоха заболел, свалившись в жару на полу караульного помещения. Сутки метался в бреду и, должно быть, собирался помирать, как это обычно случалось здесь с полуголодными людьми от холода. Доложили сотнику, тот, чуть поразмыслив, приказал привести кого-нибудь из невольников, знающих как лечить простуду. Привели юношу Вогула.

- Что, постарше никого не нашлось среди этих умников...? – недовольно ворчал сотник.

- Говорят, этот всё умеет..., – оправдывался воин, что привёл «знахаря».

- Ладно, пусть будет этот, только бы помогло, – махнул рукой сотник, покидая караулку.

Что уж делал внук Вогуз-хана неведомо, но через пару дней Тимоха ожил. С того самого времени юноши подружились и не упускали случая мельком встретаться и о чём-то говорить...

Ч. 6 Кумирня

...Весна приходила нехотя, запаздывая на добрый десяток дней, словно осторожная неопытная молодая, ступала новой хозяйкой в незнакомый запущенный двор, где ей предстояла важная трудная работа. Затяжная, с холодными ночами она, казалось, безразлично выслушивала, как долго жаждущая тепла земля постанывает в предрассветных морозных утрах, и, не внимая тому стону, просто бездействовала, словно испытывала на выдержку и окрестные холмы с оголившимися вдруг кирпично-красными ранами оврагов, и стылую промёрзшую местами до самого дна реку со вспученным, словно взорванным льдом, и сырые посвистывающие сквозняком лозы на низких берегах...

С севера на юг пролегла к морю большая дорога. Меж холмов она выходила в самое устье реки, по правую руку от которой легла ровным ковром просторная заболоченная долина, а с левого берега в медленную воду гляделись две великие пирамиды Да-най-шаня, Большая и Малая, образно сравниваемые людьми с грудью женщины. Прямо поперёк через долину от синих сопок по зелени луга бежала дорога поменьше. Упираясь в реку, она не обрывалась у многолюдной переправы, а словно одолев преграду на лодках и плотках, продолжалась дальше к подножию Большой Грудь-горы, туда, где у самого основания её на восточной стороне дороги встречались и образовывали перекрёсток. Здесь на обочине возвышался высокий деревянный, почерневший от времени идол – дух-покровитель реки и долины с выпученными глазами, встречавший паломников широким оскалом зубов. Чуть на восход виднелась крыша небольшого

деревянного монастыря. А в самой горе, в скалистом просторном гроте, располагалась Великая Кумирня предков чжурчже. Прямо у входа журчал ручей, лёгкой прозрачной струёй исчезающий в груди священных мелких камней, нанесённых сюда под своды кумирни множеством паломников со всех сторон света как знак благодарности мугдэ – духам людей, оставивших этот мир. Отсюда же к вершине Грудь-горы уходила серпантином тропа веры и испытаний, заканчивающаяся на самом пике каменной площадкой для молитв и священнодейств, на которой символом единства мира были высечены полукруг луны и диск, сияющего лучами, солнца.

Внутри кумирни, по северной стене были расставлены божества духов-хранителей окрестных гор, среди которых выделялись два золотых истукана в пол-человеческого роста, с мерцающими в сумраке святилища изумрудными глазами. Перед идолами стоял алтарь с множеством жертвенных сосудов и чашечек, наполненных цветами, благовониями и драгоценностями. От этого жертвенного стола вплоть до дверей кумирни располагались низенькие скамьи-седалища для паломников и служителей культа во время совершения таинств и обрядов. Богослужения в кумирне ежедневно совершаются по четыре раза, для каждого дня были установлены соответственные ритуалы и церемонии, определены праздники, посты и особые дни, в которые должны быть совершаемы жертвоприношения, торжественные служения и прочитаны молитвы, а также исполнены религиозные действия – обнесение вокруг монастыря кумиров и религиозные пляски, сопровождаемые боем барабанов и звуками флейт.

По большой дороге с севера сюда приходили люди дзинь, простолюдины и воины Золотой империи, волею императора, либо просто случая, оказавшиеся у Великого Океана, разузнавшие по слухам о чудотворной исцеляющей воде из ключа Да-шаня. Отсюда на восход солнца через перевал Чёрного хребта паломники, минуя множество ключей и речушек, шли в Великий Каменный Город поклониться памятникам Духов Неба, откуда, направляемые шаманами и знахарями, больные лишаём и проказой спускались к источнику Судзу, а потом возвращались, повторяя путь, чтобы отблагодарить предков и духов добра за помощь и исцеление.

Сюда от захода солнца, пройдя трудным путём через вершины Дурги-Чанды, посетив малую военную крепость в одном из её скалистых ущелий, минуя долину и переправившись через реку, приходили последователи первоучителя Лао-цзы, возвысившиеся в долгих созерцаниях на звёзды севера Бэйдоу горным духом аскетизма длинноволосые даосы, чтобы впитать на обратный путь животворящий вкус источника и ещё более укрепить любовь свою к умеренной и скромной жизни.

Тут же в окрестностях кумирни можно было встретить бритоголовых учеников Гаутамы, прикрывающих тело лишь жёлтым куском материи, свободно повязанным через левое плечо под правую под-мышку. Постигнув в отшельничестве законы всеобщего милосердия, и очистив сердца свои от зла и сомнений, эти дети великой праведности знали секреты истинной свободы от страстей и грехов.

Случаются в иной год в монастырской долине на берегу озера и процессии поклонников новой воинственной веры. В начале лунного года ночью они ходят с факелами, неистово воют, потрясают оружием, бьют себя кулаками в груди и кинжалами в предварительно обритые, похожие на нефритовые голыши, головы. Кровавые самоистязания достигают высших крайностей на десятый день. Многие из участников, среди которых выделяются женщины, падают, истекая кровью, другие успевают дойти к идолу на перекрёстке дорог, где отчаянные изуверы под воинственную пляску остальных продолжают сидеть с ножами, воткнутыми в тело.

В последнее время люди видят здесь монахов в чёрных, обветшавших в долгой дороге, рясах, молящихся большому деревянному кресту, поставленному через мелководную лагуну напротив кумирни на самом краю скалистого кургана. Говорят, это люди мэнгу-кераиты, когда-то тысячу лет назад постигшие правду о едином для всех людей Боге, теперь разносят веру в Него по земле. На кургане в маленькой деревянной часовенке они укрепили на одной из стен доску с ликом своего первоучителя, что жизнью и кровью своею, жертвуя во имя всех людей, искупил их грехи, став первым отныне наравне с Богом. Перед ликом поклонники жгут маленькие восковые свечи и вслух разговаривают с ним о своих заботах...

Выбрав один из погожих дней, Шуа-хан посетил кумирню, пожертвовав на служение немного драгоценностей и мешок риса, затем осмотрел отсыпку нового кургана. Намечая большой праздник по окончании строительства, ещё в самом начале Шуа-хан через надёжные связи выяснил возможность приобрести хоть сколько-нибудь особой серной смеси для взрывов. Искусство запускать в небо рукотворные огни и создавать гром с недавних времён получило распространение в столице, лишь только люди научились делать серый горючий порошок. Секрет сей науки хранился в строжайшей тайне, но уже изготовленный порох пользовался большим спросом, и его можно было купить, а найти умельцев запускающих огонь в небеса не составляло большого труда. Под охраной большого вооружённого отряда порошок в шести деревянных бочонках привезли ещё зимой и тайно сложили в склепе строящейся кумирни. О порохе знали лишь сам хан, сотник охраны строительства, которому доверено было охранять и порох, да несколько воинов, непосредственно охраняющих усыпальницу. Проверив сохранность бочек, хан пожелал побывать на верху кургана.

...Дружина в два десятка всадников осталась внизу на небольшой вытоптанной поляне, по краю которой в болотце по чёрной гари зелёными маленькими иголками топорщилась осока. Шестеро крепких воинов занесли паланкин наместника на курган и поставили на ровное, специально очищенное от камней место. Следом поднимался верхом на лошади племянник, чуть позади, облачённый в одежды лёгкого воина, не отставая, бежал его слуга. На самом верху воины поставили носилки, склонились на колени, выжидая пока Шуа-хан сходил на землю, затем, по-прежнему склонив головы, пятясь отошли чуть в сторону. Наместник подошёл к краю насыпи, невольно засмотрелся на открывшуюся красоту раскинувшейся внизу прямо под курганом долины. Весенние прозрачные краски чуть подвели окоём дальних гор новой синевой

поверх ещё задерживающегося на вершинах снега, а в воздухе уж веяло от земли зарождающимся теплом и духом просыпающегося леса.

- Мой человек доносит, что в каменоломне назревает бунт, – заговорил племянник, приблизившись к наместнику и шумно спешиваясь. Воин-слуга, подхватив поводья, живо отвёл коня в сторону.

- Строительство подходит к концу, – задумчиво и неопределённо высказал свои мысли Шуа-хан. Было заметно, он несколько нервничал, понимая, что сроки отсыпки растягиваются ещё на два-три месяца.

- Среди невольников много отребья, способного на всё. Говорят, есть и лазутчики из банд киданей. Но я думаю, самые опасные это фанатики из сект, поклоняющихся кресту. Они объединены и у них есть предводители. Их смиренность лишь личина и притворство. Они проповедуют равенство всех на земле пред своим великим единым богом, внося сомнения и гордыню в души рабов...

Над долиной в чистом небе висело небольшим шаром бесцветное солнце, проникающее лучами во все закоулки раскинувшегося вдаль пространства. Вереница носильщиков живой нитью непрерывно продолжала свою работу. Сброшенные камни глухо сползали, выравнивая откос, иногда срываясь шумно большой массой вниз, заполняя образовавшиеся пустоты и неровности на склонах.

- И что ж, они мнят себя наравне с императором...? – почему-то серьёзно спросил наместник и тут же словно в шутку добавил: – Ты же вот тоже воображаешь себя наместником...

- Я не раб! – жёстко ответил Юн. – Это определяет всё в жизни человека. Я не рождён рабом!

- Ты всегда можешь им стать, – чуть скривил в насмешке губы Шуа-хан. – Лишь тот, кто научился усмирять свои пороки – тот не раб. Желание власти – тоже порок, и ты раб своего желания. Но это к слову, а вот относительно крестопоклонников, я хочу ближе посмотреть на них...

- Я приведу их проповедников в город. Нужно попробовать разобщить их. Надо сказать, они заметно дорожат общей молитвой, словно в ней видят истоки своих верований и сплочённости...

Побывав на кургане, к вечеру небольшой ханский конвой остановился в монастыре, где и провёл ночь.

...Спустя несколько дней к полудню невольников привели к дворцу. Наместник велел впустить их во внутренний двор. Два усталых оборванных человека, гремя связывающей их цепью, предстали перед Шуа-ханом, смиренно опустив нестриженные головы. В карих глазах одного из них на юном лице с вьющейся тёмной бородкой было заметно любопытство. Второй, по всему обличию из кераитов, был хмур и выглядел стариком. Наместник сидел с небольшой книгой из тонкого пергамента в руках за низким столиком, плетённым из гладких ивовых ветвей, у самого входа, где на ступенях под черепичной крышей просторного навеса в каменных вазах была заготовлена земля для высадки цветов. Солнце краем ещё заглядывало под навес, но было по-весеннему прохладно, и хан зябко поводил плечами под цветным стёганым халатом. Воин, идущий впереди, остановился в десятке шагов от ступеней и,

припадая на колени, дёрнул за цепь, понуждая пленников склониться. Медленно становясь на колени, рабы степенно крестились. Глянув на младшего, наместник заинтересовано спросил на уйгурском:

- Говорят, ты внук Вогуза...?

Юноша не успел ответить, как за него, приподнимая взгляд, тихо, но твёрдо на языке ньючжи сказал старший, шевеля густой серебряной бородой:

- Все мы Божьи дети, стало быть, и чьи-то внуки...

- О, ты излишне дерзок, несторианин! Говоришь, не дожидаясь внимания..., – властно оборвал его Шуа-хан, в то же время понимая, что бородач просто намерено принимает любой удар прежде молодого.

Раб замолчал, но теперь хан, невольно досадуя, вынужден был обратиться к нему:

- Так это верно насчёт Вогуз-хана?

- Молва всегда идёт впереди, особенно худая..., – как-то неопределённо ответил бородатый.

- О каком худе ты говоришь? Слава Вогуза во многом достойна подражания. Её ли стыдиться...?

- Не все понимают это как ты, правитель Города Кузнецов, – с поклоном до самой земли говорит несторианин.

- Мне сообщают, что вы плохо работаете и всячески противитесь моей воле...? – Шуа-хан продолжал говорить по-уйгурски.

- Повелителю неверно донесли, – продолжая спокойно на чжурчже, возразил невольник. – Смирнее и покорнее детей Христа, Отца Небесного нашего людей на земле нет. На всё воля Его...

- Вы здесь волей императора и моей...! – жёстко и назидательно оборвал его Шуа-хан.

Кераит склонился до земли.

- Во всякой великой воле должен быть великий смысл, – тихо философски проговорил он.

- Ты не находишь в отсыпке кургана смысла? – серьёзно и без зла спросил наместник.

- Храм памяти в первую очередь должен быть возведён в душах, в сердцах..., – по-прежнему склонившись, словно себе говорил бородач.

«Старик и молодой..., удивительная дружба! – глядя на рабов, размышлял наместник. – Так время и обстоятельства заставляют их быть вместе, чтобы выжить и продолжаться. Смирение и опыт старшего, соединившись с волей и силой молодого, оставят после себя веру, добрую память и желание повторять жизнь...».

- Всё-таки я хочу услышать голос юноши, – Шуа-хан вновь обратился к Могулу. – Молодости свойственно бунтарство и неуспокоенность, такова природа всего на земле. Потому твоя смиренность кажется мне фальшивой...

Юноша, выдержав строгий взгляд наместника, ответил откровенно:

- Памятью деда, распятого за желание быть свободным, я поклялся обрести волю, во что бы то ни стало. Но потом я встретил праведника, который научил меня быть свободным в сердце. Крестив меня, тот умудренный человек и не

подозревал, что обрела отныне моя душа. Вера научила меня быть свободным, и эта же вера сделает нас всех равными на земле...

«Люди всегда ищут единения, – думал наместник. – Как перед великой грозой человек ищет помощи или милости у небес. Сильные силой и жестокостью сгоняют слабых в стадо для своей пользы. Слабые не могут не догадываться о силе своего единения, но они не видят в том своей пользы. Тогда они ищут покровителя и, не находя его рядом, видят его внутри себя, в грёзах, на небесах. Обряды и таинства сближают, приносят надежду. Они выдумывают себе защитника, специально скрещёнными пальцами в особый тайный знак приветствуют друг друга, и это действительно помогает им. Их мораль и простота жизни роднят их с природой. И они выживут в грозу. Мы же оторвались от естества жизни, мы гибнем под натиском непонимания зачем живём...».

- Твоя убеждённость похвальна, но малоубедительна. А вера твоя – расчёт на долгий неспешный век. Пока же человек несвободен и слаб, и жизнь его скоротечна, а ему надлежит ещё и выжить в этом жестоком мире и оставить потомство. Смиренность в этом плохой помощник, – Шуа-хан усмехнулся.

На этот раз вновь заговорил старик:

- ...У всех людей один бог. Он видит их любовь и воздаёт обязательно по делам всем. Полюби врага сердцем, прости ему его ненависть к тебе. Твоя любовь сделает тупым его меч, и нерешительной его руку...

- Несторианин, я понимаю, ты оберегаешь мальчишку, но твои истины скучны и бессмысленно заучены, ты стар, ты мне не интересен..., – укоризненно с раздражением сказал Шуа-хан. – Молодому нужно ещё жить, а как же он сделает это без сил и ненависти к врагу, владея лишь той любовью, о которой ты говоришь..?

- С любовью через страдания – такова воля Господня, – несторианин широко перекрестился.

«...Когда слабеет покровитель, ищут другого. Самое доступное – вообразить его. Мысль – самое ценное, непонятное и тайное, что всегда есть под рукой даже у самого нищего и обездоленного. Я понимаю это, потому что и мой покровитель сегодня слаб и бесполезен, и я сам втайне ищу опоры и поддержки. Они же... уже нашли защитника, и вера в его всесилие помогает им жить...», – Шуа-хан задумчиво молчал, потом устало показал пленникам на выход.

Чжурчжень, во время всего разговора стоявший на колене, быстро поднялся и потянул за цепь, уводя невольников за ворота дворца.

Глядя в спины рабов, наместник, задумчиво перебирая страницы книги о древней школе законов Фацзя, недавно привезённой в подарок от столичных грамотеев, продолжал размышлять:

«Обрекая их на страдания, невольно участвуешь в их задуманном деле, исполняя роль притеснителя. А у них все роли распределены и непременно должны исполняться, иначе рассыпается вера. Ну, что ж! Это их путь, мне же надлежит свой пройти без угрызения совести. Пусть уходят с миром через свои страдания, моя роль в их жизни ничтожно мала, они, возможно, и не признают её. Племянник не зря обеспокоен поведением этих людей, но пусть сам разбирается с этим...».

...Казалось, ещё недавно в долине царствовала весна, глядь, уж и лето на исходе.

С почтой, доставленной накануне, Шуа-хан получил весть от столичного чиновника, с которым поддерживал не без выгоды связь. Свой человек в кругах ведающих законами и надзором в империи часто выручал, хоть и не без корысти, заблаговременно оповещая о предстоящих намерениях столицы, о кознях императорской свиты, о величине налогов и поборов. Между делом чиновник интересовался судьбой юноши-мэнгу, отправленного им под надзор наместника в прошлом году. Родичи юноши окрепли и, может статься, соберут неплохой выкуп за него. Так или иначе, это стоит держать на примете. Шуа-хан и сам помнил о Тимохе, обязав сотника в каменоломне покровительствовать юноше. Сотник – умудрённый хитрый вояка, волю наместника исполнял не столь рьяно, как это требовалось, но и сам заприметил за Тимохой кое-какие достоинства. После того как он отличился в схватке с лазутчиками Кидань-хана, сотник, не торопясь докладывать о том наместнику, выделил взрослому воину из своих подчинённых. Теперь Тимоху было не узнать – за год он возмужал и окреп. Теперь в его обязанности входила вестовая связь между каменоломней, монастырём и городом. В лёгких кожаных доспехах, на ладном кауром коне, с длинным киданьским луком в налучье слева и с колчаном в металлических бляхах справа он запросто сходил за бывалого бравого конника из гвардии наместника...

Шуа-хан торопил время. Отдавая распоряжения по завершению строительства усыпальницы, он чувствовал явное сопротивление монахов и служителей старой кумирни. Казалось, всё благоприятствовало намеченному освящению кургана – доходы, которые приносило кузнечное дело в городе, оставались на прежнем уровне, уголь из ханских копей был по-прежнему в цене, в деревнях по долине достаточно овец и лошадей, а количество воинов в отрядах поддерживается темниками в нужном количестве. Правда, в последнее время отряды заметно разбросаны по долине, темников в городе нет, но так и должно быть, как полагают военачальники. Главное, что отсыпка усыпальницы подходила к концу, и новая, рождённая волей человека, вершина одной гранью своей, словно остроносая лодка, устремлялась с предгорий в долину к реке. Ещё немного усилий - и рабов можно будет увести из каменоломни, разобщить и отдать на поля. Как-то так случилось, что последний год родник в старой кумирне истощался прямо на глазах, пока накануне больших дождей не иссяк вовсе. А с приходом воды вместо «священных слёз» Грудь-гора изнутри засочилась дрянной сыростью, а вдруг прорвавшийся ручей в камнях, зашипел мутной водой половодья. Зато в гроте под новым курганом ключ, набирая силу, с лёгким рокотом выходил из-под камней и завидным чистым ручейком проворно устремлялся к недалней каменистой речушке. Казалось, сами небеса покровительствовали желанию наместника. Оставалось лишь уговорить монахов поскорее перенести в грот под курганом ценности и идолища кумирни. По замыслу хана это должно было укрепить его авторитет в округе. «Смутное время! Народ ищет новых богов. Нужно помочь ему в этом...» – самоуверенно

думал Шуа-хан и тут же ругал себя за это. Его практичный и гибкий ум подсказывал быть настороже и глядеть далее. “Юн осуществит свои угрозы рано или поздно. Этот... родственник склонил на свою сторону часть знати и вот-вот попытается потянуть на себя власть в долине. Что бы там ни случится, дочь нужно из дворца на время увести... в город. Я помогал кузнецу с замужеством его дочери, простые люди благодарнее и чище в помыслах. Надо бы нащупать связь с кочевниками. Опаздываю, упускаю что-то...”, – так думалось старику Шуа накануне больших событий.

...Предводитель орды опередил намерения Шуа-хана. Утром у северных ворот стража задержала и не пропустила в город трёх конников, не скрывающих свою принадлежность Кидань-хану, мало того, дерзко требующих немедленно провести их к наместнику. Выждав до полудня, Шуа-хан велел пропустить старшего из посланников к себе. Кочевника провели во дворец. Принял его хан внизу в небольшом закрытом помещении. Разговор проходил негромко и скоро, словно наместник решал мелкую бытовую проблему со слугой. Можно было расслышать лишь обрывки разговора. Сначала говорил посыльный, резко и уверенно предлагая дружбу и покровительство орды, поскольку силы наместника разобщены и далеки от города. Потом спокойно и твердо говорил Шуа-хан, предлагая встречу с предводителем кочевников. Вскоре все трое посыльных ускакали. Поздно вечером этого же дня наместник распорядился увести Гюльджели и старуху служанку в город. Два воина тихо вывели женщин через малую калитку за ворота и словно растворились в темноте душной сырой ночи...

Ч. 7 Наводнение

...Вновь на исходе было лето, запомнившееся непривычно ранней и долгой жарой, от которой спасала лишь река да тенистые рощи в распадках. Но вот с полудня прилетели ветра, и несколько дней подряд над долиной шёл дождь, то тихо моросящий, мелкий, надоедливый, то вдруг обрушивался шумно с порывистым ветром частыми крупными каплями, сливаясь в сплошной поток, на склоны лесистых сопок. Воздух напитался влагой и словно давил серой массой своей на приумолкнувший Шуа-чэн, на почерневшие рёбра частокола вдоль высокого земляного вала, на ржавые детали катапульт, грозно вздымавшихся по углам сторожевых укреплений, на груды каменных ядер, на сырые жилища ремесленников, на глинобитные стены внутреннего городка с дворцом наместника, на его островерхую черепичную крышу, ставшую под струями из зелёной почти чёрной. Доныне чистый прозрачный ключ, питавший город питьевой водой, помутнел и теперь непривычно шумел в искусно сложенном каменном ложе, которое становилось для него всё теснее и теснее.

С подъёмом воды в реке в город валом повалила жужжащая, стрекочущая, летающая, ползающая луговая живность: муравьи и кузнечики, жуки, пауки, змеи, бурундуки и мыши. Буквально за день до половодья старый кузнец чжурчже, отдыхая на пороге кузни, поймал под ногой диковинного жука, поднёс подслеповато к глазам и сокрушённо проговорил:

- Не здешний житель, с реки пришёл. Плохо дело. Большую воду завтра ждать будем...

И действительно назавтра река вышла из берегов, и теперь с крепостного вала сквозь частокол видна была большая часть долины, покрытая быстрою рыжей водой. Откуда-то снизу, как-то разом, по этой большой воде пришло множество длинных лодок. Причаливая чуть поодаль от города к образовавшимся среди половодья мелким островам, они беспрестанно сновали в протоках, мелькая среди оказавшихся в воде деревьев полотнами немудрёных крыш и парусов над низкими бортами. Лодочники, стоя на корме, ловко управлялись с длинными тонкими шестами. У городских ворот со стороны долины и днём и ночью теперь было многолюднее обычного. От реки доносился шум и гомон торговли, в город несли в основном рыбу, запахи которой в сыром воздухе распространялись далеко окрест.

...Половодье, случавшееся год от года в долине, на этот раз превзошло все опасения. Жёлтая недобрая вода, затопив все нижние дороги от реки, подобралась и к входу в святилище Грудь-Горы, оставив незатопленным узкий перешеек, лишь по которому и можно было добраться в кумирню только с восточных склонов. Обеспокоенные монахи теперь и сами заторопились с переносом кумирни в грот под новым курганом. С их одобрения Шуа-хан отдал приказ в два дня совершить праздничное шествие от Грудь-Горы мимо монастырского двора к новому месту расположения святилища. Торжество не получалось столь значительным, как задумывалось, и проходило торопливо без торжеств и лишних церемоний. Десятка два монахов под охраной полусотни конников просто вынесли сокровища старой кумирни из-под сводов грота, распределили их по трём большим носилкам, специально сколоченным для такого случая, и, взявшись по четверо, тронулись в путь. Сухим перешейком они выбрались к монастырю, где к шествию добавилось ещё с десятков верующего люду, и, обходя мочажины, под монотонный бой барабана верхней дорогой тронулись к кургану. Водворение кумиров на новое место было назначено на следующий день, поэтому на подходе к усыпальнице, в небольшой рощице, процессия остановилась на ночлег. Всю ночь там горел большой костёр, монахи у носилок просили богов прощения за то, что потревожили святилище. Сотня воинов, готовая к любой неожиданности бодрствовала, оцепив верующих кольцом охраны. Утром, лишь солнце высветило над сопками край неба, монахи тронулись в путь к завершению столь важного действия. К полудню священную ношу внесли под своды усыпальницы, расставили идолов в должном порядке и зажгли над алтарём жертвенный огонь. Присутствующие при этом даосы и поклонники других богов напрямую в службе не участвовали, но по окончании священнодейств тут же у входа в новую кумирню отдали должное и своей вере. Усердно молилась своему Спасителю и группа крестопоклонников. Шуа-хан присутствовал без большого окружения лишь в самом конце церемонии, когда после освящения над огнём монахи вынесли большой тёсаный столб, обвязанный вверху полоской жёлтой ткани, и вкопали его чуть поодаль у дороги, уходящей на вершину кургана. Сотни полторы-две туженей-носильщиков да таранчи-земледельцев, на время торжества прекратили работу и безмолвной серой толпой участвовали в церемонии. Большой

праздник с огнями и гулянием решено было отложить до окончания отсыпки кургана...

...Урус Никита, освоившись в тесной и дымной кузнице, под началом старика чжучже так ловко управлялся с молотом, что и не заметны были тяготы прошлогоднего многонедельного перехода с ярмом на шее сюда на край земли, на берега этой реки, впадающей где-то поблизости в океан. О том, что земля действительно заканчивается совсем недалеко, по случаю нет-нет да и рассказывает Тимоха-далда, забегая иногда наскоро в кузню. Никита называет его на свой лад Тимохой, или чуть серьёзнее и уважительней - Тимофеем. Юношу оставили в отряде надзора за работой в каменоломне, где он зимой показал себя храбрецом, что позволяло ему иногда бывать в городе в качестве посыльного. Такое послабление в неволе, так или иначе, ему давала принадлежность к известному роду у себя на родине и кое-какое покровительство правителя города Шуа-хана.

Чжурчженю-кузнецу Никита пришёлся по душе. Молод и добр, без зла в сердце, а работает любому в пример, несмотря на то, что чужеземец и невольник. Поначалу Никиту держали в кузнице на цепи, но вскоре расковали и даже разрешили иногда выбираться с кем-либо из семьи в город. Старый мастер сразу же приметил – неплохой женишок для младшей дочери. А Никита и сам не промах – ещё в первые дни углядел кареглазую Тихе. Девчонке лет шестнадцать, но проворна и смекалиста, как взрослая жёнка. Мирком-ладком за год сдружились, поглядывая исподтишка друг на дружку. Кузнец сразу приметил их переглядки, со своей стороны не препятствовал, а потом уж через знатных людей осторожно поинтересовался, нельзя ли к наместнику подступиться с прошением за Никиту. Добрые люди кое- за какое подношение подсобили, и к годовщине пребывания в чужом краю Никита уж был почти своим в семье и подумывал о женитьбе. А уж Тихе как тайно была рада, что женихом сыскался русский молодец. То не беда, что из подневольных; глядишь, дело сладится, повернётся судьба добром, и выправится жизнь, как надо, приживётся молодец, в силу войдёт, приплод свой заведёт, своим навсегда станет...

В аккурат к годовщине пребывания в Шуа-чэне в кузницу забежал Тимоха. Старый кузнец, вытирая лоб рукавом лоснящейся суконной рубахи, вышел из кузни, оставив приоткрытой дощатую дверь. Никита нагнулся под верстак, вытащил оттуда небольшой, плетёный из грубой соломы, куль. Запустив в него свою длиннущую руку в грубой кожаной рукавице, извлёк наружу, поворачивая на свету, островерхий железный шлем с небольшим клином для переносицы и украшенный по бокам двумя метящими вертикально вверх ножами.

- Никому не делал ещё такого..., тебе первому вот выкроил железа малость, раскатал потоньше. Красивая шапка получилась, самому нравится. Прямо так на свою заячью... и надевай.

Тимоха ловко надел поверх малахая отливающий свежей воронью шлем, повертев головой, прошёлся молодецкато перед Никитой, цепляя железным

остриём закопчённую, грубо отёсанную матицу потолка. Кузнец, присев на корточки у наковальни, с улыбкой наблюдал за юношей.

- Вот теперь ты взаправду батыр!

Тимоха вдруг остановился, снял шлем и осторожно положил его на верстак.

- Красивый шибка, моя нечем плата давай..., – проговорил, потупив взор и любовно трогая пальцем хладно мерцающее лезвие ножа-украшения.

- Э-э, паря, разве ж я спрашиваю плату с тебя? Это тебе моё расположение от души и помога в нужный миг. Ты воин, стало быть, така шапка тебе хоть и малая, но защита. Мне-то тако железо на голову пока без надобности. Моё дело – силушки бы поболе, да молот-мужик, да вот «баба» потяжелше под ним..., – Никита хлопнул рукавицей по наковальне.

- Тогда договор давай: моя долг тебе отдавай скоро-скора...

- Ладно уж, должник! Как разбогатеешь, так отдашь, я подожду...

Тимоха вновь надел шлем на голову.

- Моя видел во дворе чужой чжурчжень и лишний конь...? – невзначай поинтересовался Тимоха.

- Вот, вот! Твоя глаз шибко зоркий! – хохотнул Никита. – А моё дело холопье – меньше заглядывайся. А ежели честно, то даже и не знаю, чьи это люди. Слышал, на днях ночью пришли. Мне из кузни не видать, да и сплю я крепко...

- Худой время проспишь. Город шум многа, вокруг люди чужой многа. Китат многа. Чуюрук-хан с китат дружба води..., – по всему было видно, Тимоха был в курсе всех дел за городом.

- Кто такой Чуюрук? – заинтересовался Никита.

- Как не знаешь? Юна-хан прозвище Чуюрук – значит плохой люди, гнилой. Все знают – ты один не знаешь. Эта хан у Шучэна всё кэшиг-дружина себе перемани, и с Китат-хан дружба води.

- Вона как! А я-то думаю, что это народ пошумливает, беспокоится. Думал, что наводнение тому причина, ан другое. Стало быть, волк с собакою заодно...? Тогда людям, конечно, житья не будет...

- Бой будет, драка будет! Моя так придумал – зима приходи, моя домой Онон-река беги. Конь есть, кое-какой люди есть. Айда, Никитка...! – глаза у Тимохи разгорелись.

- Скорый ты, брат, на подъём. У меня так не получается, у меня же жёнка теперича..., – как-то чуть сожалея о чём-то, разводит руками Никита.

- Погоди-ка, заговор припомню, как бывало у нас ратников в дорогу провожают.

Он распустил бечеву на поясе, принялся завязывать на ней узлы, приговаривая:

- Завяжу я, раб Никита Селиверстович, по пяти узлов всякому стрельцу немирному и коварному на всех его луках тугих безжалостных. Вы узлы мои крепкие заградите стрельцам пути-дороги, опутайте луки их, чтобы стрелы острые ломались и не летели вдаль. В моих узлах сила могучая, сила змеиная сокрыта, в них зашиты злой мачехой головы змея страшного двенадцатглавого. Заговариваю я раба Тимофея-молодца, вступающего на тропу ратную, стезю опасную, моим заговором, моим верным словом крепко-накрепко...

Вышли на двор, образованный пространством между кузней и жилым домом. Вокруг ограда из мелких подсобных построек для угля, для железа, для припасов на зиму, для лошадей. Кузнец в городе не богач, но знатный мастер, работу которого знают окрест. У него большая семья, полным-полно работы, два сына и много женщин, включая жену, старуху мать, дочерей, родственниц и прислугу. На днях Шуа-хан ещё заботу одну подкинул – дочь приютить на время, пока поулягутся страсти во дворце с переделом власти. Почему хан так решил, неведомо никому, на то у правителя своё соображение, но как видно дела у него не столь хорошо идут, если родную дочь в один из дальних дворов города пристроил. С одной стороны кузнецу лестно, что сам Шуа-хан обращается к нему с заказами для воинов своей гвардии, но ведь с дочерью это другое дело. Тут не убережёшь девчонку – голову потеряешь в любом случае. Хан, верно, решил, что Гюльджели затеряется среди женщин и не привлечёт внимание худого глаза. Может быть и надежное решение, но кузнецу-то каково? Попробуй, удержи взаперти красу девичью. Та, хоть и велено ей строго-настрога прикрыться да в доме быть, норовит с детьми во двор выскочить. После ханских покоев ей всё диво у кузнеца среди простоты да непринуждённости. Хоть и выросла, и скромна, а по глазам дитя ещё...

Вот эти глаза и узнал сразу Тимоха, лишь увидел во дворе появившуюся на миг Гюльджели. Девушка, стрельнув глазами, хихикнула, прикрывая лицо до глаз перекинутым через плечо углом лёгкой ткани, но не убежала, а, наоборот, полуобернувшись, словно поджидая, остановилась. Выбежавшие вместе с ней дети были заняты игрой и нисколько не мешали, а вскоре и вовсе убежали в жилище. Тимоха, позабыв всё на свете, остановился в смущении на миг, а затем, опомнившись, подошёл к Гюльджели и протянул смущённо ей руку. На ладони у него лежал её перстенёк...

- Возьми, ты обронила... тогда, – юноша говорил по-монгольски.

- Нет, нет! Это тебе. Ты такой сильный и... смешной, – девушка говорила на нуйджи, но, странно, он понимал её.

- Хорошо, взамен я принесу тебе красивее...

- Когда? – она странным образом тоже понимала юношу.

- Сначала я должен побывать дома...

- А это далеко?

- Очень далеко. Но я вернусь, – Тимоха говорил о том, во что сам, в общем-то, не верил, но слова сами как-то уж ненароком вылетали, не подчиняясь ему, отчего он осмелел и выпалил под конец: – А хочешь, пойдём со мной...?

- У меня дом здесь, – Гюльджели махнула рукой в сторону улицы, где жил воим чередом город.

- Скоро я стану большим и сильным, и у нас будет свой дом, – страдая от неловкости и краснея, совсем осмелел Тимоха.

- Хорошо, я подожду, – просто согласилась Гюльджели и, словно невзначай отпустив уголок ткани, открыла лицо.

Тимоха ещё больше засмутился, но глаз не отвёл и, ещё больше очарованный девичьей красой, смолк.

- У тебя такая красивая железная шапка..., – девушка протянула руку к шлему.

Тимоха снял его и держал в руках, поворачивая и показывая Гюльджели.

- Это Никитка сделал и подарил мне, – юноша кивнул на кузнеца.

Никита, оставаясь чуть в стороне, с улыбкой наблюдал за встречей молодых людей. Тут же на корточках у стены кузни сидел и хмурился старик-чжурчжень. Во двор вновь с шумом выскочили дети, окружили девушку, увлекая её за собой. Старый кузнец прикрикнул на них, затем угрюмо кивнул Никите и увёл его в кузницу. Гюльджели, увлекаемая детьми, всё оглядывалась и оглядывалась, а Тимоха стоял, растеряно перекидывая шлем из руки в руку и не знал что делать. Ему так хотелось говорить с девушкой ещё о многом, ему вовсе не хотелось так быстро расставаться, но она ушла, ласково попрощавшись тёмно-карими глазами.

Тимоха задержался в городе и остался во дворе кузнеца на ночь...

Ч. 8 Кочевники

...К вечеру под охраной семерых воинов через северные ворота крепости пронесли носилки с толстым почтовым чиновником. Не поднимаясь и не сходя на землю, он молча показал старшему стражнику круглую серебряную пайцзу с изображением кречета на одной стороне и грозным девизом на другой: «Силой Вечного Неба имя императора да будет свято. Кто не поверит – должен быть убит». Стражник так же молча в знак приветствия кивнул сановнику и, отставив в сторону копьё, громко прокричал предупреждение в город о прибытии почты для наместника. Его зычный возглас тотчас эхом побежал среди построек передаваемый друг другу внутренней стражей вглубь города к дворцу...

Ночью, в приглушённом посвисте лёгкого ветра стражники у других южных ворот не расслышали четверых лазутчиков, подобранных из города и затаившихся чуть поодаль в тени крепостного вала. В полночь от дворца к воротам подошёл эскорт толстого чиновника. Начальник стражи с помощником, изумленные столь удивительно поздним отбытием почтового отряда, попытались выяснить его причину, но первый был внезапно сражён в шею меткой стрелой, тихо просвистевшей из тени, а второго ловко и бесшумно свалили ножами двое из конвоя почтаря. Проход в город был свободен...

К утру в город ворвался на лошадях с небольшой бандой головорезов Кидань-хан. Основной его отряд подошёл к крепостным стенам следом, всё прибывая и накатываясь людской волной вдоль берега полной реки из-под сени светлеющего леса к городским воротам, словно подвижная громкоголосая масса с топотом и ржаньем лошадей, с запахами дымных костров, потных сёдел и немытых тел. По приказу кочевого предводителя эту разношёрстную уймищу в город не пустили...

После небольшой потасовки у дворца, быстро справившись с небольшой охраной, Кидань-хан занял нижние покои дворца и, расположившись прямо посреди двора в плетёном кресле, велел привести хозяина. Ханский двор непривычно заполнился лишними людьми. Тут же у самых ворот, распахнутых

настежь, запылял костёр, над которым вскоре в большом чёрном котле забулькала баранина. Рядом с предводителем услужливо вертелся один из темников Шуа-хана, чьё многолюдное войско почему-то оставалось сейчас не у дел где-то за рекой.

Наместник вышел в сопровождении суетливого слуги. Он был не постариковски подтянут и бодр. Гладко зачёсанные волосы, стянутые на макушке в тугий узел, придавали ему воинственный вид. Фиолетовый атласный халат при движении холодно поблёскивал, подчёркивая строгую мрачность лица. Шуа-хан, оценив пристальным взглядом непрошеного гостя, не глянув даже на своего военачальника, сел в кресло напротив, повелительным кивком отдавая приказание слуге удалиться. Кидань-хан прищуром наблюдал за правителем города, ворота которого только что предательски распахнулись перед кочевниками.

- Я сидя приветствую тебя, досточтимый господин славного Города Кузнецов! – высокопарно чуть с насмешкой по-уйгурски заговорил предводитель номадов. – Я вынужден был явиться без приглашения, поскольку время не терпит...

- Время всегда терпит..., – хмуро отозвался Шуа-хан.

- Я это к тому, что не за горами холода, и мы должны полюбовно решить, кто будет кормить моих воинов зимой..., – продолжал надменно Кидань-хан.

- Мне нравится, как ты показываешь свои силы, но не стоит излишне лицемерить. Людям известна твоя жестокость и умение брать...

- Поистине сильному несут сами, – прерывая Шуа-хана, заносчиво съязвил кочевник. – Или ты хочешь, чтобы я запустил своих людей в город...?

- Я понимаю бессмысленность нашего разговора. Только позволь узнать, что ты приготовил для меня лично?

- О, хан, ты обеспокоен своей участью? Мне казалось ты выше этого! Ты же знаешь, всё вершится волей небес...

- Да, но есть дела, которые надлежит доделывать самому..., – в голосе наместника прозвучала интонация просьбы.

- Ты это о кургане над усыпальницей своей любимой женщины? – догадался Кидань-хан и насмешливо добавил: – Тебе будет позволено самому завершить его. Относительно же людей занятых там..., я приказал разоружить охрану каменоломни и прекратить работу. Все рабы и мелкие людишки получают землю и будут работать, им не пристало заниматься пустым делом...

Кидань-хан нетерпеливо потеревил темляк своей длинной кривой сабли, свисающей от пояса сбоку до земли.

За воротами раздался конский топот, и возгласы вновь прибывших людей оборвали столь неприятный разговор. Стража Кидань-хана впустила к дворцу двух всадников. В одном из них наместник узнал племянника. Юн, несмотря на живот, резво спешил и угодливо низко поклонился предводителю кочевников. Тот молча принял приветствие...

Повелитель Города Кузнецов всегда понимал, что слаб в военном деле, в котором полагался на своих двух темников, возглавлявших один - вверху долины, другой - у моря довольно большие по численности отряды, состоящие из нескольких сотен конников и пеших лучников. Сотни, собранные под общей

командой тысячников, не единожды участвовали в походах на защиту Фурдан-чэна от набегов дерзких и сплочённых номадов. Но что-то разладилось в людских отношениях, и военные первыми потянули власть в свою пользу, изменяя принципам и обычаям города. Молодой и хитрый Юн почувствовал это давно и поторопился первый участвовать в распределении власти между военными и заседавшими вокруг отрядами кочевников. Шуа-хан, озабоченный другими проблемами, оказался отодвинутым в сторону и теперь, понимая это, просто пытался выиграть малую толику времени, спасая свою жизнь.

Люди, прибывшие с племянником, бесцеремонно заполонили ханский двор и совершенно не обращали внимания на хозяина. Наместника же такое поведение, казалось, не трогало, и он воспринимал его с явным безразличием и меланхолией, хотя в глубине глаз его можно было заметить неприязнь и брезгливость. Племянник с Кидань-ханом при участии темника о чём-то негромко говорили, намерено оставляя хозяина двора в неведении.

Потом Юн, приблизившись к дяде, заговорил:

- Итак, дядюшка, в нашем положении надлежит подчиниться требованию досточтимого предводителя Великой Орды, который благосклонно даёт нам возможность без кровопролития оставаться во главе нашего народа. Если наш прошлый серьёзный разговор закончился неопределённостью по вашей милости, то сегодня дело обстоит как нельзя ясно. Только теперь в городе остаюсь не я, а Кидань-хан, а вас будут держать под охраной здесь, пока не найдут Гюльджели, которую вы напрасно пытаетесь где-то скрывать...

- Наглец, ты по-прежнему носишь в пустой голове безумную мысль...? – скрипнул зубами Шуа-хан.

- Нет, теперь эта мысль в голове нашего повелителя, и вам лучше признаться, где вы спрятали девчонку..., – Юн, кажется, не шутил с угрозой.

- Я сейчас уже сам не знаю где дочь..., – слукавил наместник, явно затягивая время, затем, глянув на Кидань-хана, устало попросил: – И разрешите мне уединиться, на сегодня я уже устал...

Кочевник, молча прислушивающийся к разговору, горделиво повёл головой и небрежно махнул рукой. Шуа-хан, не спеша, удалился к себе наверх, а шумная компания во дворе тут же забыла о нём...

К вечеру Юн в сопровождении своей конной охраны ушёл из города. По сборам и разговорам отъезжающих можно было догадаться, что племянник намерен переправиться через реку для встречи с большим войском, спасающимся от половодья в предгорьях недалеко от крепости Чанда.

Как только с приходом темноты шум во дворце несколько утих, к дворцу через забор незаметно прокрался человек. Постоял в тени под стеной, прислушиваясь и озираясь, затем, подобрав камешек из-под ног, легонько бросил его в верхнее, подмигивающее жёлтым светом, окно. Прозрачная бумага в проёме, отозвавшись лёгким щелчком, отбросила камешек в сторону. В окне тотчас погас свет, и оно легко приоткрылось. Человек снизу забросил вверх верёвку и притаился. Спустя некоторое время по верёвке осторожно спустилась тень. Это был Шуа-хан. Наместник, переодетый простолюдином, шёпотом перекинулся несколькими словами со встретившим его воином. Уже вдвоём они быстро перебрались через забор, где их поджидало ещё трое вооружённых

людей, и вскоре, крадучись, все затерялись в узких улочках поселения ремесленников. Ночные путники бесшумно отыскивали дом кузнеца, затем, озираясь и прислушиваясь, осторожно постучали в ворота, негромко отозвались на голос изнутри и, едва отворились ворота, немедля прошли во двор кузни.

...Утром Тимоха, одетый в рваньё, изображая бездомного мальчишку, выбрался из города. Путь его лежал к монастырю. Шуа-хан и его несколько воинов на лошадях следующей ночью, тайно выбравшись из города, двинулись в ту же сторону.

В городе править остался Кидань-хан...

Ч. 9 Взрыв

...Кидань-хан лгал, говоря, что в каменоломне его люди распустили охрану. Просто посланный им небольшой конный отряд после осторожной разведки, не решившись связываться с сотней охранения, проскакал чуть дальше и задержался у монастыря, где, угрожая разорением, потребовал от монахов съестных припасов и фуража для лошадей. В это время из города в каменоломню Тимоха-далда принёс весть о приходе кочевников. Сотник торопливо приказал согнать рабов под скалы в угол карьера и, оставив два десятка охраны, с остальными, забрав всех имеющихся лошадей, кинулся в город, полагая быть потребным наместнику там, чем здесь на теперь никому не нужной постройке кургана. Это была ошибка бывалого вояки. Во главе оставшихся ратников сотник оставил Тимоху.

За это время Шуа-хан с десятком воинов на лошадях, тайно выбравшись из города, двинулись к монастырю. Сотник из каменоломни и наместник встретились в урочище за бродом через малый приток, вода в котором уже пошла на убыль. С наступлением темноты сотня шагом осторожно повернула назад в каменоломню. Шуа-хан принял решение собрать небольшой отряд в окрестностях монастыря, затаиться на время, а с окончанием половодья переправиться на правобережье и уйти в горы, где у малой крепости, по его расчётам, должны быть его верные дружины...

К концу того же дня невольники взбунтовались. Болезни и голод сделали своё дело: отчаяние охватило озлобленных людей и они, вмиг осмелев, в едином порыве, используя ошибку сотника, смели малочисленную охрану и разбежались. Ещё накануне земледельцы-тужени, отбывающие повинность на переноске камня, нарушая приказ хана, отказались от работы. Теперь они шумели по сёлам, сбиваясь в отряды и намереваясь примкнуть к кочевникам. Воины оставшейся охраны под началом Тимохи, понимая своё бессилие, просто отошли в сторону, оцетинившись имеющимся оружием, лишь не давая рабам окончательно смять свой небольшой отряд.

К вечеру в карьере осталось совсем немного людей – плохо вооружённый отряд из двух десятков людей да дружная группа крестопоклонников, не принявшая скороспелого решения уходить в неизвестность. Разложили костры и, разорив все запасы под навесом и в караульном помещении, «пировали» в предчувствии завтрашней неизвестности.

Тимоха осторожно приблизился к костру невольников. Его заметили и освободили место рядом с Могулом. Приятели обмолвились несколькими словами и уединились, чуть отодвинувшись от костра. Говорили по-монгольски, подвинувшись близко друг к другу. Тимоха объяснялся быстро, горячился, подчас переходя на шёпот, убеждал Могула уйти с ним:

- Пойми, Шучэн-хан теряет своих людей. Наша судьба теперь не принадлежит ему. Ни сегодня-завтра город опустеет. Думаю, никто уже никакого выкупа сюда за меня не пришлёт. Время даёт нам самим подумать о себе, а сил и умения, что я чувствую в себе достаточно, чтобы решиться на возвращение домой. А разве тебя не ждут на родине...?

- Не знаю..., – как-то неопределённо отвечал юноша, задумчиво оглядываясь на костёр.

- А меня ждут! Как только река войдёт в берега, станет сухо, соберу сотню лучших конников в долине, кое-какие припасы сделаем, и с первым снегом уйду через малую крепость Чанда на заход солнца домой...

Могул, словно не слушая Тимоху, вдруг заговорил убеждённо и твёрдо:

- Издревле боги требовали войн и распрей среди племён. Люди понимали, что наказаны этим за грехи свои, за гордыню и спесь, но бились меж собой, подчиняясь воле богов. В битве с кровью врага приходило в сердце прощение, злоба покидала душу, и в ней воцарялось умиротворение. Первые шаманы были озабочены людской злобой, происходящей не иначе как от богов, и долго размышляли, как смирить их гнев и поселить покой в сердцах людей иным способом. Примечая, что после того, как у костра съедалась добыча, сытость приносила мир и довольство, шаманы попробовали вместо людских жертв приносить богам часть добычи, подменив людскую кровь, кровью животных. Так было на протяжении многих и многих веков. Пока люди не догадались о едином всесильном Боге и о возможности последней жертвы ему. Чтобы вообще не проливать больше кровь, нужно проявление великой любви, необходимо самоотречение. Пойти на это посредством своей крови, жертвуя собой, мог только Сын Божий. Пойти и простить всех: там, где прощение грехов, не нужно приношение за них. Эта последняя жертва должна смирить всех и людей и природу, это последнее самое действенное средство показать силу и победу любви. Любовь Божья восходит к жертве собственного Сына, любовь Сыновья поднимается к всепрощению и потому к бессмертию. Нам же лишь надлежит уверовать в Сына Божия, в его жертву и любовь великую и бесконечную. Вера приблизит осуществление ожидаемого и укрепит уверенность в невидимом...

- Мне не понятна твоя вера, но я чувствую, что она не мешает нам дружить. Ты рвёшься осмыслить возвышенное и непостижимое, я же буду счастлив уже тем, что вернусь домой и смогу защитить свой род от злых и алчных соседей. Может быть, людей и объединит твой Бог, призывая всех к доброте и всепрощению, но до того людям нужно узнать, как проще и выгоднее вести хозяйство, как и где пасти скот, как объединяться против врага, сколько и каких воинов содержать для этого и как развивать военное дело. Чтобы быть добрым, нужно быть сытым и сильным. Ты учишься быть сильным духом для возвышенных, каких-то общих целей, а я хочу, чтобы была тёплая юрта у

самого последнего моего родича. И я знаю, что для этого нужно делать. Нужен закон, который заставит людей понимать благо в правильном распределении дел среди всех. Если ты пастух, то у тебя должен быть табун и пастбище. Если кузнец – мериллом твоего долга будет железо и молот. Если ты воин, тебя не должно отвлекать занятие земледельца. Будь тем, кто ты есть, не завидуй богачу и не обижай того, кто беднее, иначе закон накажет тебя... – как-то уж совсем мудро толковал Тимоха.

- Лишь закон Божий способен помогать в достижении того, о чём ты говоришь...

- Вот поэтому нам стоит дружить. Если к пониманию твоего Бога можно прийти моим путём, значит у нас одна дорога... К первым холодам, несмотря на приход кочевников, я соберу достойную сотню храбрецов. Их путь на родину будет устлан славою побед и торжеством справедливости. Сунны и мэngu, чжурчжени и мохэ будут счастливы с приходом в племена закона справедливой жизни...

Так и не придя к какому-либо решению, проговорили до самого утра, когда вдруг в предрассветных сумерках на свет костров почти бесшумно в узком проходе каменоломни показалась уставшая сотня Шуа-хана. Познакомившись с обстановкой наместник отправил двух верных воинов и Тимоху обратно в город, велел отыскать опытного лодочника и переправить Гюльджели через большую воду в небольшое селение в отрогах правобережья, а сам намеревался, отдохнув днём, к сумеркам выйти так же осторожно, как прошлой ночью, к монастырю.

Но время давно уже работало не в пользу наместника. Едва его небольшой, плохо вооружённый отряд выступил, как столкнулся с кочевниками. Завязалась драка на саблях. Не в силах противостоять противнику, потеряв пару воинов, сотня Шуа-хана бросилась убежать. Под улюлюканье и крики преследователей отряд распался на несколько частей, пытаясь под прикрытием спускающейся ночи потеряться в лесистых отрогах ближних сопок. Кочевники, увлечённые погоней, также разбились на малые отряды и пустились в преследование. Наместник с десятком воинов устремился к кургану, где хотел скрыться в кумирне. Было известно, что кочевники не трогали святых и погребальных мест. Старик давно не сидел на лошади, был неловок, стал отставать и вскоре, после того как отряд, отвлекая на себя преследователей, ускакал, остановился вовсе. Вероятно, плохо зная местность и слабо ориентируясь, кочевники устремились было за основной группой отступившего отряда, но сгустившаяся темнота заставил их вовсе отказаться от погони. Они ещё некоторое время пошумели стороной, удаляясь, и вскоре в ближайших окрестностях наступила тишина. Один из оставшихся с ханом воинов помог ему сойти с коня. Бросив лошадей и напрямик миновав густые заросли орешника, они вышли к откосу кургана. С трудом одолевая уплывающую из под ног осыпь, к полуночи они оказались у входа в кумирню. Молчаливый монах, встретивший беглецов у входа, провёл их в небольшую пещерку чуть в стороне от грота самой кумирни, где ещё двое из служителей культа устроили своё нехитрое жильё. Каменный очаг в углу с лёгким жаром тлеющих углей, небольшой закопченный таган над ним, деревянный настил, служивший постелью, приподнят ступенькой чуть в

стороне от огня – вот и всё убранство прибежища трёх аскетов.

В пылу отступления Шуа-хан не особо обратил внимание на ранение, но теперь в гроте, разглядев при свете факела окровавленное предплечье, обнаружил довольно большую рубленую рану. От потери крови у него кружилась голова. Монах, вероятно, сведущий в болезнях, осмотрев рану, обмыл и туго перевязал наместнику руку. Ночью, мучаясь болью, Шуа-хан долго ворочался на непривычном жёстком ложе и размышлял над всем, что произошло, сквозь дрему наблюдая за монахом, склонившимся у теплящегося очага. Воин, два охранника пороховых бочек и два других монаха спали.

«Все вещи имеют животворящее начало..., – думалось старику. – И даже эти камни, сумрачно блестящие сейчас над головой, умеют, наверно, думать и страдать. Это их страдания передаются сейчас в мою душу. Что-то рухнуло в этом, казалось бы, незыблемом порядке вещей. Путь, пройденный ради этого порядка, оказался не идеальным, закончилось Великое Единение и приходит Великая Пустота. Законы людей оказались несовместимы с миром вещей, и происходит их распад. Так или иначе, похоже, кочевников не остановит святость кумирни. Ни сегодня завтра они ворвутся сюда и разграбят святилище...». Неожиданно хан принимает решение завалить вход и покинуть грот вместе с монахами...

К утру у священного столба кумирни собралось ещё пара десятков воинов во главе с сотником. Шуа-хан отдал распоряжение завалить вход, припрятав прежде кое-какие строительные принадлежности и пороховые бочки вглубь усыпальницы. Перетаскивая при свете факелов бочки, один из воинов, взвалив груз на плечо, не обратил внимания на тонюсенькую струйку пороха за собой. Свалив бочки в глубине грота, убирая за собой факелы, все направились к выходу. Оставалось только подрубить крепёжные деревянные стойки на входе. Выходящий последним воин, прислонив к камню факел, присел, привязал к опоре протянутую на выход толстую верёвку и замахнулся топором, неосторожно при этом зацепив факел...

Огонь легко метнулся по серой дорожке пороха, проворно убегая под низкие своды кумирни. Воин, оставаясь на корточках, только зачаровано смотрел на убегающее в рукотворную пещеру пламя. Шуа-хан, оставшийся сам убедиться, как будут подрублены стойки, крикнул об опасности и бросился к выходу. Но гулкий, почти не слышный взрыв раздался чуть раньше, чем наместник успел выскочить наружу. Волной его толкнуло в спину и выбросило на камни. Когда пыль, выброшенная взрывом из входа, осела, ошеломлённые воины, увидели заваленный напрочь вход, пришли в себя и кинулись на помощь к хану. Наместник был жив, но падение на острые камни не прошло даром. Лицо и руки его были в крови, он стонал, и подняться сам не смог. Его осторожно отнесли в ближайшую рощицу под тень дубков. Монах осмотрел его и сказал, что у хана сломана спина.

К исходу этого же дня, соорудив из толстых ивовых ветвей носилки, дружинники тайно перенесли раненого Шуа-хана в монастырь. Небольшой монастырский двор не вмещал такого количества конников, потому монахи были серьёзно обеспокоены столь шумным посещением. Их тихое деревянное прибежище издревле было неприметным местом уединения и самоотречения

одинок. После недолгих переговоров с монахами, оставив на их попечение наместника, сотник увёл свой потрепанный отряд в каменоломню, где привычно обжитые сопки позволят выждать время и наладить связь с другими отрядами в долине.

На следующий день раненого наместника в монастыре отыскивали и люди Кидань-хана, но, глянув на него, не тронули, а лишь доложили своему предводителю о плачевном состоянии правителя Города Кузнецов. Кидань-хан, казалось, был удовлетворён таким исходом дела, но по-прежнему остался недоволен поисками дочери наместника...

Наведаясь в монастырь со своими людьми и племянник Шуа-хана. Посокрушавшись для вида у постели раненого, Юн, казалось, искренне был неутешен и даже намеревался забрать дядюшку, но, послушав монахов, тут же оставил эту затею. Затем, объехав курган, осмотрел заваленный вход в кумирню и увёл свой отряд к морю. На песчаных берегах небольшой бухты слева от устья реки за Грудь-горой стоял его основной шатёр, где окрест по склонам сопки селился небольшим городом народ...

Ч. 10 На правом берегу

...Кидань-хан не намерен был разорять город, тем более, что крепость сдавалась без кровопролития. Намереваясь стоять в долине зиму, он понимал важность жизнеспособности этого большого поселения. Отсюда кочевники должны будут взять как можно больше припасов и оружия, а значит, кузни и сборщики налогов должны по-прежнему в городе работать. Опасаясь лишь выходки с побегом прежнего хозяина крепости, Кидань-хан разослал в свои отряды приказ найти Шуа-хана. Первые дни поисков ничего не дали.

...В это время люди, посланные в город наместником, благополучно отыскивали возможность переправиться через реку. Всю ночь они неторопливо собирались в дорогу, вооружившись ножами, луками и припасая только самое необходимое: немного еды, одежду для девушки и побольше стрел. К утру, попрощавшись, двинулись в путь. Никита вызвался провожать их до реки. Из города выходили не через ворота, а через вал в неприметном месте, затем по зарослям низкорослого дубняка спустились в лог. Низиной в сумерках к самому рассвету выбрались к реке, где среди деревьев совершенно незаметно для постороннего глаза, чуть приподнятым носом упираясь в черёмуховый ствол, стояла узкая, более двух сажень в длину, лодка. В её борту, на пару ладоней приподнимающиеся над поверхностью реки, легко огибая течением, плескалась рыжая вода. В лодке на короточках сидел маленький человек с длинным шестом. Смуглое, почти детское лицо его ничего не выражало, но в раскосых глазах металось беспокойство и настороженность. Человек был одет лишь в бесформенную длиннополую рубаху из рыбьей кожи, подхваченную на худых бёдрах грязной бечевой. Над бритым лбом на затылке торчала неопрятная тугая косичка, босые ноги побелели от воды, плескавшейся на дне лодки, тут же плавали весло и две связанные лопатки, должно быть тоже для гребли. На коротком шесте, служившем для лодки мачтой, повисла мешковина немудрёного паруса, рядом болталась пара обуви из овечьей кожи и берестяная

шапка, какую можно часто встретить на головах удэ – людей леса или земледельцев долины.

- Его человек-угди, – пояснил коротко Тимоха. – Вода живи, вода ходи, вода еда давай, всё вода. Его всё понимай, но молчи. Язык много не болтай. Такой люди...

- Не утонуть бы, – почувствовав, как дрогнула под ногами лодка, забеспокоился, не на шутку, Никита. – Больно уж утла посудина...

Говорили тихо, почти шёпотом, но в лёгком плеске воды о низкие ветви деревьев, казалось, слышится эхо шумного говора.

- Его не тонет, – усмехнулся Тимоха. – Его плавать не умеи...

- Как так...? – удивился Никита.

- Его лодка вода лучше ходи, чем твоя ноги земля стой..., – опять усмехнулся засмеялся юноша.

Маленький человек с шестом утвердительно закивал головой и, кажется, тоже улыбнулся. Гюльджели, трепетно прижимаясь к Тимохе, осторожно ступила в лодку следом и тут же присела, ухватившись обеими руками за борт. Юноша, поддерживая ее, примостился рядом. Два воина пробрались к самому носу лодки и замерли, готовые встретить опасность достойно и мужественно. Никита, оставив узел с одеждой и едой, вышел из лодки обратно на берег. Перекинувшись напоследок несколькими словами, они тихо попрощались.

- Вода сойдёт, даст Бог, свидимся, – махнул рукой кузнец и, наклонившись, с силой толкнул лодку от берега.

Прежде чем отплыть лодочник вытащил из-за пазухи небольшой кожаный мешочек, достал из него щепоть красной рыбьей муки и высыпал за борт, бормоча при этом ласково кому-то пожелания здоровья и долгой жизни.

- Его так вода кушать даёт..., – пояснил, вероятно, для Никиты Тимоха.

Затем, спрятав мешочек, лодочник проворно ухватился за шест, направляя лодку носом против течения сначала вдоль берега, но, чуть удалившись на простор, оставил шест, вытащил весло и, ловко управляясь с ним, повёл своё судно на стремнину, лавируя среди макушек деревьев, торчащих из воды.

Вскоре, ниже на берегу, лодку заметили, над водой раздались громкие окрики и засвистели стрелы. Никита юркнул в заросли и затаился. А река уже подхватила лодку и стремительно уносила всё дальше и дальше. Лодочник сильно и быстро грёб, низко прильнув к корме, остальные и вовсе спрятались за борт, и теперь с берега были уже не видны.

Никита, присев в ивовых зарослях, сквозь ветви наблюдал некоторое время за лодкой, и, крестя путников вслед, всё повторял: – «Спаси Христос...». Затем, озираясь, украдкой логом выбрался подальше от воды на взгорок и огляделся. По луговине вдоль воды суетилось с десятков всадников, продолжавших всё ещё наудачу метать в лодку стрелы. Но расстояние уже было велико, судёнышко стремительно сносило течением, и попасть в неё теперь было невозможно.

...Берег в лёгкой дымке остался далеко позади. Затихали над водой крики всё ещё мечущихся всадников, а за их спинами над вершинами синего хребта вставало солнце, слепя глаза и играя бликами в лёгких бурунах под бортами. Пока лодка плыла половодьем среди макушек деревьев, кормщик, лишь помогая веслом, подгонял судёнышко к реке. Но как только вода самой реки подхватила

лодку, все пятеро бросились грести с одного борта, не давая течению завертеть себя водоворотом, закипевшим вдруг шумно и грозно под днищем. Казалось, никакой силы не хватит удержать лодку в нужном направлении. Её быстро и безжалостно понесло вниз...

Едва не опрокинув лодку несколько раз, стремнина вынесла её наконец в черёмуховые заросли на тиховодье. Кормщик передал весло Тимохе и взялся за шест, остальные помогали как могли, отважно гребла ладошкой и Гюльджели. Вскоре лодка вышла на малую воду, и под днищем зашелестела трава. Мужчины попрыгали в воду и, ухватившись за борта, проворно потащили лодку на видневшийся взгорок, остановившись на котором облегчённо вздохнули. Позади во всю ширь долины остался великий разлив реки, над которым напротив серо-зелёной пирамидой высилась Большая Грудь-гора. В небе над ней в беспрестанном движении неслись сизые тучи, свивающиеся чудно и сказочно в фигуры всё скачущих и скачущих всадников, вооружённых и облачённых в одежды знатных витязей. Грозные и стремительные, они неслись небом, величием и статью поражая взор...

Здесь, у берега, было заметно, что вода уходит. Но она ещё оставалась в тенистых протоках, по низким местам, оставляя после себя лесной хлам по логам, да илистый серый след на прибитой траве. Теперь нужно было вернуться чуть против течения, найти устье небольшой речки, сбегаящей в долину справа из широкого зелёного распадка, и подняться по этому притоку вверх. Один из ратников бывал здесь и знал, что вверх по притоку есть большая деревня. Действительно, толкая лодку по мелководью, наши герои вскоре вышли к притоку, но подниматься по его быстрой воде было бессмысленно, потому было решено распрощаться с кормщиком и дальше идти пешком. Рассчитался с маленьким человеком-угди один из воинов золотым песком, или как его ещё называют, «маковой крошкой». Небольшой мешочек драгоценного песка воин получил ещё от Шуа-хана. Оставив лодочника, все четверо, прихватив чуть подмокшие узлы, сошли на правый берег и вскоре скрылись в тенистой рощице.

...На солнечном пологом склоне, в деревне, состоящей из двух десятков хижин, крытых серым камышом, явно было много пришлого народу - женщины, озабоченные неустроенностью, галдящие шумные дети. Мужчины, в большинстве своём вооружённые луками и ножами, бесцельно проводили время в пустых разговорах. Оставшаяся внизу в тальниках речка входила в берега, на которых местами по чистополью чаще жердей растянулись вешала для сушки рыбы, да горбились несколько перевёрнутых узких лодок. Выше чернели бревенчатые амбары на сваях. Распадок, в котором расположилось село, уходил широкой травостойной ложиной, поросшей изредка рощами лещины да полосами ивняка, вдоль влажных ложков вверх к синеющему на заходе солнца хребту Дурга-Чанда, что значило “неукротимая священная гора”. По разговорам, выше, под самым хребтом на подступах к малой каменной крепости, названной, как и сама гора Чандой, и стоящей чуть в стороне от западной дороги в столицу империи, в тихой неприметной долине пережидали большую воду несколько сот конников. Водополье на время выгнало людей от реки вот в такие деревни, уютящиеся в распадках ближних пологих сопок. Потому пришлых трёх мужчин с луками за плечами и девушку не особо

заметили во всеобщей толкотне. Водная стихия и весть о пришедших в город кочевниках перемешали здесь, на правом берегу, всех в единое многолюдное скопище. К селению шли уже потому, что во дворах должны были быть кое-какие запасы пропитания. Строили шалаши, либо обосновывались прямо в гуще таволги на земле, подминая траву и ветви. Поскольку народ в селении собирался временный и разный, поначалу Тимохе, Гюльджели и воинам удалось неприметно влиться в общую массу беженцев. Решили, что прежде чем подниматься в крепость, надо пару дней перебиться в селе. Расположились на помыном взгорке по соседству с шумной ватагой обветренных загорелых туженей. Но как ни старалась быть незаметной Гюльджели, к ней в первый же день стал приставать здоровый грубый чжурчжень из этой толпы земледельцев. Он явно недооценивал мужчин, оберегавших девушку, может быть ещё и потому, что те всячески скрывали свою принадлежность к ратному делу.

- Ты бы остыл, земляк..., – предостерег грубияна без злобы по-свойски один из воинов.

В гурте соседей, численностью превосходящих нашу четвёрку, раздались смешки и подзадоривания в адрес чжурчжени. Тот направился к девушке.

- Да я только гляну на ваше сокровище, которое вы так оберегаете втроём...

- Тебе же сказали – остынь...! – встал на его пути Тимоха.

Чжурчжень попытался грубо оттолкнуть юношу, но тот увернулся и, перехватив руку забияке, свалил его ловко на землю. Завязалась потасовка. Тут же с обеих сторон собрался круг поддержки, послышались крики и угрозы. Побывав ещё дважды на земле, тужень, в ярости, вытащил из-за пояса нож. Обе стороны смолкли и насторожились. Тимоха тоже достал нож, спрятанный под рваниной халата. Схватка была недолгой. Тимоха явно превосходил туженя ловкостью. Нанеся пару лёгких ранений противнику, в конце концов свалил его и в азарте драки замахнулся ударить чжурчжени в грудь. Забияка сдался, но пятеро его дружков, не удовлетворённые исходом поединка, окружили Тимоху. Его спутники тоже угрожающе подвинулись к центру круга. Юноша, оставив противника на земле, вскочил на ноги и, приняв угрожающую позу, сбросил с себя лохмотья ветхого халата. Ладная военная амуниция на нём тотчас ошеломила наступающих, и они, несколько оторопев, остановились, помогли подняться своему товарищу и молча отошли. Отважная четвёрка решила в тот же день покинуть село и уйти к крепости. Тимоха больше не надевал свой халат, более того, достал из узла с одеждой железный шлем и воинственно водрузил его на голову...

Когда уходили из деревни, над толпой недружелюбно настроенных людей пронёсся чей-то восхищённый возглас:

- Я узнал его..., это же Темир-хан...!

Тимоха не знал, что с некоторых пор за ним закрепится такое прозвище, вот и теперь не подумал, что этот возглас относится к нему. Но отныне имя «железного хана» останется за ним навсегда...

Ч. 11 Впереди ещё путь

...Жизнь покидала недвижимое тело наместника медленно и неотвратно.

Придя в себя после нескольких дней беспрестанной заботы монаха-лекаря, Шуа-хан велел связаться с командиром верной ему сотни. Вскоре прибывший в монастырь сотник докладывал хану всё, о чём в данное время знал сам.

- Люди Кидань-хана ведут себя в долине осмотрительно. Нападая и грабя селения, они, тем не менее, побаиваются впрямую ввязываться в сражения с разрозненными, потерявшими единоначалие нашими отрядами...

- А как сильны кочевники? – голос у наместника едва слышен, глаза чуть приоткрыты.

- Малая долина под Шуа-чэном кишит их временными стойбищами, сотни дымов у стен города, в логу табун лошадей..., должно быть всё это можно считать тьмою. Но если бы не большая вода, наших сил было бы значительно больше...

- Вода здесь ни при чём. Отряды увели за реку ещё до воды преднамеренно, и если они верны мне..., – членораздельная речь давалась хану с большим трудом, и он не договорил.

- Река возвращается в берега. Ни сегодня завтра оттуда обязательно придут вести...

- А что Юн...? – в голосе наместника слышится огорчение.

Сотник, расслышав вопрос, с ответом чуть помедлил:

- Ваш племянник хитрый человек. Наверное, он решил просто отсидеться в своём шатре. Гуляет и веселится в окружении льстецов и прохиндеев. Его отряды спустились левобережьем к морю и бездельничают, словно пришлая орда по малым долинам в отрогах приморья...

- Может быть Юн выжидает, чтобы до конца выявить силы противника...? – с надеждой в голосе прерывает сотника Шуа-хан.

- Если верить людям, тайно выбравшимся из города, кочевников в крепости немного, бесчинств больших не творят, увеличены только поборы с ремесленников. Кидань-хан, вероятно, надеется усилить вооружение своих людей, и, как видно, надежд на перешедших на его сторону не возлагает...

- Нужно связаться со всеми, – хан ещё мог отдавать приказания. – И... найди способ выманить предателя темника от кочевников, его место уже давно среди мёртвых...

Сотник при этом в знак повиновения опустился на колени, склонив низко голову.

- А где моя дочь? – наместник словно только что вспомнил о Гюльджели.

Сотник опустил глаза.

- Говорят, какие-то люди ушли за реку, – ответил он уклончиво.

- Доставьте меня непременно туда же..., – прохрипел, теряя сознание, хан.

Это был приказ, и пока наместник был жив, послушаться его означало неминуемое строгое наказание. К вечеру сотник с частью своих людей принял решение ночью переправить Шуа-хана за реку.

...Засветло спустившись от монастыря к реке, конный отряд по ещё не подсохшей дороге, обходя сырые мочажины и балки, в сумерках вышел к броду. Проводник из местных туженей, согласившийся показать более удачное место для перехода реки на лошадях, предупредил, что воды ещё много, и переправа будет нелёгкой. Раненого наместника решено было переправить там же чуть

ниже брода на лодке рыбаков. Скользящая илистая дорога вдоль реки после половодья была чрезвычайно трудна. Шуа-хана несли в паланкине, рядом едва поспевал лекарь монах. Как и предупредил тужень, переправа в сгустившихся сумерках несколько затянулась. Правда, пару лодок для наместника отыскали скоро. Хотя большая часть людей реки с уходом воды спустилась вниз к морю к большой переправе под Грудь-горой, но здесь остались рыбаки из местных обитателей приречья, для которых река – место и способ жить, и для которых пройти лодкой в любом месте ничего не стоит.

Раненого осторожно переложили из носилок в лодку. Шуа-хан сдержанно стонал, но был в сознании и понимал ситуацию. Рядом примостился монах, три воина и лодочник взяли в руки вёсла. Вторую лодку для подстраховки решено было пустить рядом. Слаженный взмах вёсел быстро оторвал лодки от берега и, подхваченные течением, они скоро оказались на середине реки. Ещё немного и скользящие тени на воде с лёгким плеском потерялись в темноте противоположного берега. В это время конники вышли еланью чуть выше брода. За их спинами над вершинами Чёрного хребта взошла чуть подёрнутая жёлтой пеленой половинка луны. Лошади, пугливо озираясь, нехотя прыгают в глубокую воду, и первых сразу же подхватывает течение и норовит унести вниз. Всадники оставив сёдла и подбадривая лошадей, плывут рядом. Пока в воду уходят последние, первых уже вынесло на отмель посредине реки. Кони, почуяв под копытами галечник, пытаются встать на ноги, торопятся, и сдерживаемые седоками, лишь пофыркивают, тяжело дыша, медленно выходят на брод, и вот, сомкнувшись в тесную вереницу, уже увереннее упрямо устремляются к берегу. Шумит, словно кипит под лошадьми вода, плеск её, смешиваясь с храпом, с побрякиванием упряжи явно слышен далеко над водой, но приречные лозы, уловив эти лишние звуки над рекой, поглощают их в своей чуткой настороженной чаще. К полночи полусотня пересекла долину и размеренным шагом, почти бесшумно ушла пологим склоном распадка на темнеющий впереди силуэт скалистой Чанды.

Утром на подходе к селению воины перестроились, плотно окружив паланкин Шуа-хана и сменив носильщиков. Деревню проходили молча, не обращая внимания на сникших в поклон на колени высыпавших к дороге жителей. Лишь гулкий топот копыт да хриплое дыхание лошадей слышались от этой сплоченной в мерном движении группы вооружённых людей, ещё мокрых от ночного перехода реки и потому может быть хмурых и недружелюбных. Лишь сотник, вдруг оторвавшись от отряда, развернулся на толпу, но осадил коня, чуть напугав, и угрюмо спросил:

- Где в деревне старейшины...?

Ему указали на большую приземистую хижину под камышовой крышей, и сотник, легко и ловко пройдя конём сквозь толпу, направился к центру села. Было видно, как из хижины вышел человек и, степенно раскланиваясь, что-то говорил воину и показывал рукой вдаль, а сотник слушал, поглядывая в ту же сторону, и кивал головой. Поговорив со старейшиной, сотник догнал отряд и, склонившись чуть с коня, заглянул в паланкин наместника. Шуа-хан лежал отвернув голову, но к приблизившемуся сотнику повернулся бледным лицом и открыл глаза.

- Старик сказал, что четверо ещё по большой воде приходили из Шуа-чэна в деревню, но вскоре ушли выше, должно быть в крепость. Большой отряд, как сказал старик, тут впереди нас в предгорье. Это всё что здесь знают. К вечеру мы будем в расположении этого отряда. Я думаю, там знают больше...

Шуа-хан в знак понимания попытался кивнуть, но лишь повёл взглядом и, прикрывая глаза, тихо застонал. Монах, придерживающий полог паланкина, склонился на ходу к хану. Сотник, тронув поводья, ускакал вперёд.

...К вечеру полусотне повстречался конный разъезд, объезжающий с дозором место расположения больших отрядов. Получив от караульных сведения о нужном направлении, сотник отправил вперёд трёх своих всадников. Весть о прибытии наместника подняла для приветствия сотни, располагавшиеся в распадке под скалистым хребтом. Вскоре уставшая от перехода полусотня с ханом прошла сквозь расступившийся строй под громкий бой барабанов и восторженные крики всадников, взметнувших над головами острия копий и сабель.

...Сторожевые башенки у двух частокольных ворот с востока и запада, каменный вал вокруг, малочисленные наполовину деревянные, наполовину каменные постройки, сотни три разночинного люда от земледельцев до приезжих торговцев из столицы, да три сотни воинов в охране крепости со строгим распорядком в караулах, у стен, на дальних наблюдательных постах с верхних площадок серого скалистого утёса Дурги-Чанды – такой предстала нашим героям малая, хорошо укреплённая крепость, настороженно притихшая в узком каменном мешке, словно ожидая худых вестей отовсюду.

...В крепости для наместника освободили одну из лучших хижин. Едва оглядевшись, он потребовал отыскать и привести к себе дочь. Несколько дней назад она, добравшись в крепость, поселилась, как и предполагалось, у дальних небогатых родственников отца в небольшой неприметной хижине. Тимоха с воинами, доставив девушку на попечение тётушки и двух её взрослых дочерей, ушли в отряд. Гюльджели прибежала тотчас, лишь услышала об отце. Увидев старика раненного и беспомощного, девушка залилась слезами. Шуа-хан едва не плакал вместе с дочерью, но крепился и, как мог, утешал её, обещая обязательно к возвращению в город выздороветь.

На следующий день после встречи с дочерью наместник чувствовал себя несколько лучше и потому, прислушиваясь к советам лекаря, разрешил отнести себя к двойному водопаду на Оленьем Ключе. Купающимся в эту пору в его струях, холодная вода очищает тело, вымывает болезни и залечивает раны, но главное якобы им потом всегда благоволит судьба. Небольшой отряд, с этой целью покинув крепость, за день ушёл распадками к таёжному селу у самых предгорий, где, взяв для верности проводника из местных нюджи, вышел к вечеру на чистые звонкие ключи, несущие проворно воды свои в скользких каменных берегах. Ночевали на просторной поляне, а с первым лучом солнца, вброд переходя осторожно с берега на берег, поднялись выше к Оленьему Ключу, вдоль которого крутым склоном вскоре вышли на шум водопада, срывающегося вниз с двух уступов водою кристальной чистоты, разбивающейся у основания в туман с колыхающейся радугой. Носилки с наместником поставили у края омута, где успокаивающаяся вода манила холодной глубиной,

вынося к берегу уже по-осеннему рясно падающие с деревьев листья. Монах, вдохновенно читая священные тексты, голой рукою непрестанно долго окроплял и носилки, и оголённую грудь Шуа-хана водой прямо из серой каменной чаши омота. Затем, осторожно ворочая больного, лекарь натирал его долго чем-то, продолжая бормотать монотонно молитвы. В это время два воина, оставаясь чуть ниже на ключе, ударили рыбу. Завершив омовение, монах попросил развести костёр. Вскоре над огнём шумел котёл, в котором вскипел, разнося окрест ароматы, лесной духовитый чай, а на камнях запеклась приличная горка рыбы. В этот же день отряд поторопился вернуться в крепость...

После путешествия к водопаду к хану словно вернулись силы, и он смог принимать военачальников и отдавать распоряжения. По его приказу три сотни, соединившись в один отряд, ушли к переправе у Большой Грудь-горы, где, оставаясь на виду в долине, должны были всё время передвигаться, словно намереваясь переплыть через реку.

Часть воинов из мэngu пришедших когда-то по разным причинам из империи в Шуа-чэн, и многие разбежавшиеся из каменоломни невольники, примкнувшие к молодому монаху Могулу, перебравшись через реку, склонилась под команду молодого Темир-хана, который своих намерений объединить и возглавить этих людей не скрывал.

Одиночек лазутчиков хан велел отправить выяснить обстановку в Шуа-чэне.

...Со спадом воды в реке в город пришла беда страшнее кочевников. Заболел и вскоре умер грязный, болезненного вида бродяга, несколько дней назад обосновавшийся у северных ворот города. Мало ли в городе помирает людей, которых потом сжигают по древнему обычаю посреди поля на больших кострах, а после прах их разносит ветер и с дождём поглощает земля...? Но смерть нищего вызвала у охраны на воротах обеспокоенность. Первые пару дней оборванец надоедал бессмысленной просьбой пропустить его к наместнику якобы с тайным донесением от императора. Язык у него заплетался, речь была бессвязной и глупой. Поколотив для острастки «гонца», охрана прогнала его от ворот и забыла. Затем он и сам как будто успокоился, но его всё ещё можно было видеть бесцельно шатающимся чуть поодаль ворот, у городского вала среди кибиток и временных жилищ кочевой орды. Его гнали отовсюду. Бродяга был молод, но невероятно худ и явно болен, кто-то встречал его раньше то ли в верховье на таёжных ключах, то ли наоборот далеко внизу по реке в монастыре среди тамошней братии, но когда и зачем он объявился здесь, никто не знал. Рядом с ним всегда вертелся худющий облезлый пёс, выпрашивая у проходящих обозников съестное. В последний день бродяга будто бы спал под рогожей. Пёс его сидел подле и всю ночь выл, тогда только обратили внимание на недвижимое тело. Когда глянули под рогожу, ужаснулись: голое до пояса тело было сплошь покрыто тёмными пятнами и смердящими язвами. Приближаться к мертвецу боялись ещё день. И лишь после того, как о смерти бродяги донесли во дворец, от Кидань-хана к воротам явилось трое чиновных людей по ведомству болезней и прочих необычайных происшествий. Издали они осмотрели тело, заставляя стражников копьями переворачивать его

с боку на бок. Воины, отворачиваясь и прикрывая лица платками, нехотя ворочали покойника, а затем, когда чиновники, многозначительно сокрушаясь, ушли, перекатали мертвеца на большой настил из зелёных ивовых прутьев и утащили лошадью далеко к глинистому яру, прорезавшему пустынный лог ржавой глубокой раной. Над яром на большом костре и сожгли покойника, а заодно и его собаку, пристрелив её из лука.

Но болезнь уже прокралась за городские стены, и через неделю скончалось ещё с десяток человек. За городским валом и вокруг табора запылали погребальные костры. А ещё через неделю народ бросился убежать из города. Исход начался внезапно, ночью. Словно по команде, на улицах загорелось сразу множество факелов, в свете которых тени людей разрастались в огромных, кошмарных несуразных чудовищ, устремившихся всей массой в беге к обоим городским воротам. Первыми сразу же ушли люди Кидань-хана. Вырвавшись за стены города, кочевники, соединившись с отрядами, оставшимися за городским валом, дикой ордой ринулись вверх по левому притоку Большой Реки в горы к звонким холодным ключам, где вода чиста и куда не поднимается за водопады рыба...

На основании донесений лазутчиков сотник докладывал наместнику:

- В городе пожары и болезнь. Народ разбегается. Номады уходят из долины. Вот пайцза вашего темника, хан, – сотник протянул золотую пластинку знака военного отличия наместнику. – Люди, которых я посылал за ним, нашли его умирающим и всеми брошенным. Этот знак, когда-то полученный им из ваших рук, он вернул добровольно...

Шуа-хан в ответ сверкнул глазами и зло проговорил:

- Презренный изменник был недостоин сего знака. Я оставляю его тебе. Ещё предстоит нелёгкая борьба на наших землях, и тебе представится возможность не раз ещё оправдывать честь быть доблестным воином. Я слаб и беспомощен, и теперь могу лишь вот таким образом поддержать и отблагодарить тебя за верность.

Принимая знак, сотник встал на колени...

Через несколько дней правителю Города Восточных Кузнецов стало совсем плохо. Уже почти не владея речью, он попросил позвать дочь и Темир-хана. Когда Гюльджели и Тимоха пришли, Шуа-хан лишь глазами смог прощаться с дочерью. Она присела у постели отца и безутешно плакала, держа его руку, обливая её слезами. Чуть в стороне, припав на одно колено, склонил голову Тимоха. Слабым движением руки наместник позвал его. Юноша, оставаясь склонённым, приблизился. Шуа-хан чуть двинул рукой, показывая на неё глазами. В ладони у него лежала серебряная пайцза сотника. «Я знаю, ты подбиваешь своих людей вернуться домой. Противиться тебе в этом я уже не могу. Я ухожу..., жизнь оставляет меня. А вот жизнь дочери я вверяю тебе, юноша. Береги её...» - словно говорили полные горечи и боли глаза Шуа-хана. Принимая знак, юноша склонился к руке старика и чуть коснулся её губами...

Тело наместника занесли высоко на скалистый утёс над крепостью и сожгли. Далеко на полдень отсюда виднелся морской залив, сливаясь с небом бирюзой до самой черты горизонта, на восход солнца простиралась долина с

лентой реки, с синей грядой гор за нею, а вокруг вздымались сопки, укрытые, полыхнувшей уже всю красками осени, дремучей тайгой.

...Страх и паника овладели людьми, глядя, как убегают из города соседи, бросая пожитки и больных родственников. Начались пожары, которые уже никто не тушил, и огонь пожирал дома один за другим, верно люди намеренно жгли нажитое, бессознательно пытаясь огнём остановить болезнь. Скоро собрался в дорогу и двор чжурчженя-кузнеца. Урус Никита вспомнил ритуальные костры на родине в летние ночи на Рождество Предтечево, когда у огня люди просят богатого урожая, довольства и здоровья. Разложили во дворе из всего, что могло гореть, два больших костра, снесли в них всю одежду, что носилась последние дни, чистую одежду запарили полынной горечью, прошли нагишом, неся детей и ведя упирающихся коней трижды меж огней, и бросив в жилище двух больных старух, на повозках с факелами ночью выехали за ворота города, которые теперь никто не охранял...

Чжурчжень помнил короткую дорогу к родичам на реку Судзу, куда, по словам беженцев, болезнь не добралась. Там, в святилище древнего Каменного Города монахи якобы знают средство от неё и умеют лечить больных. Таёжной малохоженой тропой вверх вдоль реки и повёл старик своё семейство к спасению. К концу третьего дня, минуя чуть приметной стёжкой непролазное высокогорное болото, вышли меж двух синих вершин на перевал. Темнота уже окутала распростёртое впереди пространство. Лишь где-то далеко внизу горел мягкий манящий огонь. Если бы не его мерцание, его можно было принять за жёлтую большую звезду, упавшую в чёрное таёжное море. Звёзды же в небесах искрились синевой жёстко и размеренно строго. В стороне, чуть ниже на склоне, в каменном ложе начинал свой бег маленький ключик, разнося окрест свой говорок.

Заночевали у самой тропы, разложив побольше костёр. Старик тут же заставил детей надрать бересты на подстилку да хвои от блох. Потом срубил ровную талину в руку толщиной, быстро ошкурил до белизны её и вбил в землю чуть поодаль костра, при этом пояснив Никите:

- Злой дух ночью боится белого...

Утомлённые трудной дорогой женщины и дети вскоре уснули, забравшись под войлочные полога. Больных, кажется, не было. Мужчины ещё некоторое время занимались лошадьми, повозками и сохранением скудного провианта, затем тоже затихли. Никита долго возился с запасом валежника на всю ночь. Старик чжурчже в это время безмолвно сидел, уставившись в одну точку и, поправляя голый рукой разваливающиеся головни, изредка “кормил” огонь зёрнами чумизы, пересыпая их ласково в грубой мозолистой ладони. Пламя в ответ словно благодарило, легко касаясь рук и просвечивая их насквозь. Когда Никита угомонился и присел рядом, кузнец, глянув ему в глаза, заговорил, медленно подбирая слова, должно быть для того чтобы славянин, за год чуть поднаторевший в языке, понял его:

- Ты молодой и сильный, ты умеешь работать и ты знаешь, как спастись от болезни. Не уходи от нас, собери людей, они пойдут за тобой. Горе и беда делают людей равными, а ловкий да умелый среди равных всегда почитаем. Только не гордись и не обижай слабых...

Затем, задумчиво глядя в огонь, тихим голосом старик рассказал легенду:

«...Давным-давно в незапамятные времена на земле жили некрасивые и уродливые на вид, но добрые и славные в душе великаны. Они так и называли себя Люди Земли, потому что рождались на земле, кормились и жили от матушки-земли, от её даров многих и щедрых. А потому и жили долго, умирали редко по воле Земли же. Когда она уставала держать на себе какого великана, то расступалась под ним, призывая на помощь огонь или воду с небес, и забирала к себе, сотрясаясь и страдая, верно жалея при этом задержавшегося на свете исполина, иногда взамен выводя к солнцу нового колосса, ещё более могучего и сильного. Потому, угождая Земле и Небу, великаны старались жить мирно меж собой и в согласии с остальным населением Земли. Жили вольно и беспечно, кто в горах среди великой дремучей тайги, кто на раздольях у рек и морей, совсем не заботясь о жилье и пропитании, потому как всё, что давала в избытке сама Земля, принадлежало им. Может быть, поэтому для тепла им было достаточно самого малого лучика солнца, а сыты были любым ароматом самого малого цвета в лесу или на поляне. Долго жили так без больших забот и тревог Люди Земли, пока не появились рядом маленькие люди. Они были меньше и слабее великанов, но их было больше; они были красивы, но надменны и жестоки, склочны и привередливы. Никто не видел, откуда появились эти люди в один из приступов сотрясения и страдания Земли. Все решили, что вышли они из пустоты, из воздуха, с неба, потому их тут же прозвали Людьюми Неба. Они мёрзли даже при малом дуновении ветерка, были всегда голодны, даже при том обилии пищи, что упрямо изо дня в день заготавливали много и впрок. Меж собой маленькие люди вспоминали, как вольготно жилось им раньше на небесах рядом с Богами. Они беспрестанно суетились и задумывались над тем, как вернуться вновь на Небо - то они начинали строить великую гору, полагая, что с её вершины легко доберутся на родину, но гора рассыпалась от воды и ветра, то они решили соорудить среди тайги из громадных камней великую птицу-дракона, думая, что смогут оживить её и улететь на ней в небо. Маленькие люди помнили до мельчайших подробностей своё прошлое, и в воображении рисовали картины своего счастливого возвращения. Но, чтобы осуществить задуманное, у них не хватало сил. Тогда они посулами и лестью попробовали привлечь к строительству Людей Земли. Но те, поначалу соглашаясь, принимали всё за игру и даже помогая, потом, часто не понимая Людей Неба, отказывались чрезмерно много и безуспешно трудиться в горах. Тогда маленькие люди надумали силой заставить великанов работать на постройке птицы-дракона. Но великаны единодушно воспротивились, и тогда началась война. Люди Неба научились обманом завлекать великанов в ловушки, и, связав их, подолгу держали в неволе, пытаясь заставить их работать. Но Люди Земли, утрачивая свободу, тут же теряли свои силы и скоро погибали. В этой безжалостной схватке они, не зная зла, коварства и подлости, погибли все до единого. Но не победили в той пустой, бессмысленной войне и маленькие Люди Неба. Как не старались многозначительно сравнивать себя с Богами, они так и не обрели силу, чтобы достроить каменную птицу и улететь с Земли. Мало того, они стали забывать, как и для чего затеяли строительство. Пытаясь вспомнить это, они разбрелись по земле, навсегда оставив Каменный Город. Лишь

полуразрушившиеся изваяния великих драконов возвышаются до сих пор над землёй памятью о великанах, о той войне, о Людях Неба с их надеждами и секретными планами. Камни здешних гор и вековая тайга хранят много тайн, может быть, поэтому и в наши времена шаманы и монахи ищут свою истину здесь на развалинах и жгут на каменных алтарях жертвенные огни...».

Никита слушал старика, размышляя о людях, о их бедах и участи, о своём решении остаться в далёком краю среди этих добрых и трудолюбивых людей, ставших ему родными. Прижимая к себе Тихе, не заметил, как и заснул крепким спокойным сном, проснулся лишь, когда утром небо крепко дохнуло холодом, пробравшимся под тёплый войлок. Выполз наружу, поёживаясь, глянул вдаль. На вершине, чуть в стороне как-то сумрачно потемнела небольшая каменная осыпь, а хвоя на кедрах над ней стала почти чёрной. Ключ у берегов под камнями сковало тонким чистым ледком. «Охо-хо! Зимушка впереди глянула. Просинец на исходе. Как там тятя говаривал: “Идёт Овсей с топором сосну рубить, мост робить да корыто под новое жито!”».

Впереди всех ждала неведомая новая жизнь...